КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(1611—1612).

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

«Современникъ» 1862 г., № 1.

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(25 АВГУСТА 1611 ГОДА).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ. Земскій староста Нижняго осада.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БИРКИНЪ. Стряпчій, присланный въ Нижній Ляпу-вымъ для совѣту.

ВАСИЛІЙ СЕМЕНОВЪ. Дьякъ, старый человѣкъ.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОСПѢЛОВЪ. Боярскій сынъ.

ПЕТРЪ АКСЕНОВЪ. Старикъ, богатый торговый человѣкъ.

БАИМЪ КОЛЗАКОВЪ. Стрѣлецкій сотникъ.

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ. Боярскій сынъ, } гонцы изъ Москвы.
РОДІОНЪ МОСѢЕВЪ, Посадскій, }

ВАСИЛІЙ ЛЫТКИНЪ (лѣтъ 50) }
ПАВЕЛЪ ТЕМКИНЪ (лѣтъ 35) } Торговые люди.
СЕМЕНЪ ГУБАНИНЪ (около 20) }

ГРИША. Юродивый мальчикъ.

ПАВЛИКЪ (писчикъ) писарь Биркина.

МАРѲА БОРИСОВНА. Богатая вдова.

Всякіе люди нижегородскіе обоего пола.

(Часть Нижняго посада, близь Кремля: направо и налѣво деревянныя лавки, на заднемъ планѣ деревянный Гостиный дворъ, за нимъ видна гора и стѣны Кремля; налѣво въ заднемъ углу, на пригоркѣ, башня и ворота въ Кремль. Направо продолженіе Нижняго посада. Вдоль лавокъ деревянные мостки съ навѣсомъ для пѣшеходовъ, у растворовъ скамьи и раздвижные стулья).

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ Гостиномъ дворѣ торговцы въ лавкахъ и у лавокъ; проходитъ народъ, нѣкоторые останавливаются и покупаютъ разныя вещи. Слышны голоса: «здѣсь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди зипунъ! Изъ решмы съ оторочкой.» Петръ Аксеновъ сидитъ на скамьѣ у своей лавки (крайней справа). Василій Лыткинъ входитъ, отпираетъ крайнюю лавку съ противоположной стороны; заставляетъ ее скамьей и подходитъ къ Аксенову.

АКСЕНОВЪ.
Здорово-ль, кумъ?

ЛЫТКИНЪ.
Здорово, Петръ Аксенычъ.
Тебя какъ милуетъ Господь?

АКСЕНОВЪ.
Спасибо!
Живемъ-таки. Что Господа гнѣвить!
Откуда, Вася?

ЛЫТКИНЪ.
Съ низу, изъ Казани;
Да позамѣшкался въ дорогѣ малость.
Домашніе здоровы-ль?

АКСЕНОВЪ.
Всѣ здоровы.

ЛЫТКИНЪ.
Не слышно ль изъ Москвы какихъ вѣстей?

АКСЕНОВЪ.
Хорошаго немного.

ЛЫТКИНЪ.
Да ужь гдѣ намъ!
Не до хорошаго теперь, Аксенычъ!
Поменьше бы худаго, такъ и ладно.

АКСЕНОВЪ.
Толкуютъ много. Можетъ что и есть
Новѣе, только хуже ужь наврядъ ли.

ЛЫТКИНЪ.
А что?

АКСЕНОВЪ.
Да яко бы, грѣхъ нашихъ ради,
Святаго патріарха Ермогена

Съ его вселенскаго престола свергли
И въ тѣсномъ заточеніи томятъ.
(Тихо).
Толкуютъ, что Михайло Салтыковъ
Ножемъ на патріарха замахнулся,
И проклятъ имъ отъ нынѣ и довѣка.
Собака!

ЛЫТКИНЪ.
Ой! Ужли? Ахъ, грѣхъ какой!

АКСЕНОВЪ.
Какъ терпитъ Праведный Господь злодѣямъ!

ЛЫТКИНЪ.
Бѣда намъ, Петръ Аксенычъ, всѣмъ бѣда!
Вотъ до чего дожить намъ привелося!
Я вотъ боюсь, у насъ-то все ли тихо?

АКСЕНОВЪ.
Здѣсь тишь да гладь, да Божья благодать.
Какъ за стѣной живемъ за воеводой
Алябьевымъ. Дай Богъ ему здоровья!
Да и въ народѣ смуты не слыхать;
Мордва да Черемиса задурила,
Да присмирѣла.

ЛЫТКИНЪ.
Что Кузьма Захарычъ?

АКСЕНОВЪ.
Душой болѣзнуетъ, скорбитъ. Самъ знаешь,
Не радуетъ ничто. О земскомъ дѣлѣ
Печалится одинъ за всѣхъ.

ЛЫТКИНЪ.
Здоровъ ли?

АКСЕНОВЪ.
Богъ милуетъ. Кузьма Захарьичъ дорогъ
Нижегородцамъ. За его здоровье
Всѣ молимся. Онъ твердо, неослабно
За вѣру православную стоитъ;
По площадямъ да по базарамъ ходитъ;
Разумными рѣчами утверждаетъ
Въ народѣ крѣпость!

ЛЫТКИНЪ.
Что и говорить!
Радѣтель!

АКСЕНОВЪ.

Диво это, братъ Василій,
Какъ умудрилъ его Господь рѣчами!
Насъ стариковъ къ себѣ сбираетъ на домъ,
Да и бесѣдуемъ до поздней ночи:
Ты, какъ дуракъ, сидишь, разиня ротъ,
Вотъ такъ тебя слеза и прошибаетъ,
Все слушалъ бы, кажись, и не ушелъ бы.
Вотъ какова его бесѣда!

ЛЫТКИНЪ.

Что же
Онъ говоритъ такое?

АКСЕНОВЪ.

Эхъ, братъ Вася,
Зачѣмъ тебѣ чужое дѣло знать!
Чай своего довольно!

ЛЫТКИНЪ.

Не чужіе
Ни ты, ни онъ; свои, чуть не родные.

АКСЕНОВЪ.

Свои-то мы свои, да вотъ что, другъ:
Ужь очень это дѣло-то велико,
А у тебя языкъ не кстати долгъ.
А, вѣришь ли, такъ душу и мутитъ,
Когда святое дѣло осрамляютъ
Рѣчами праздными. Зѣло противно!
Какъ если песъ какой нечистымъ рыломъ
Нанюхаетъ на трапезѣ хлѣбъ-соль,
Такъ все одно и это.

ЛЫТКИНЪ.

Я, Аксенычъ,
Вотъ видитъ Богъ, ни слова!

АКСЕНОВЪ.

Не божись!
Ну, слушай; да языкъ-то за зубами
Подерживай! Затѣи-то велики,
А что дастъ Богъ, увидимъ. Самъ ты знаешь,
Что вѣра гибнетъ, что ругатель-врагъ
Насъ одолѣлъ, что правоѳлавнымъ тѣсно,
Что стонъ и плачъ сиротъ и горькихъ вдовъ,

Какъ дымный столбъ, на небеса восходитъ.
Вотъ, глупый человѣкъ, мы и толкуемъ,
Что легче смерть отъ острія меча,
Чѣмъ видѣть, какъ ругаются святыней.
Вотъ и толкуемъ, какъ бы ополчиться,
Да либо помереть ужь, либо Русь
Отъ иноземцевъ и воровъ очистить,
Отъ всякой погани.

ЛЫТКИНЪ.

Аксенычъ, страшно!
Въ раззоръ насъ разорятъ и животишки
Пограбятъ всѣ; куда съ дѣтьми дѣваться!
Не трогаютъ, такъ и сидѣть бы смирно.
Куда ужь лѣзть!

АКСЕНОВЪ.

Да ты крещенъ, аль нѣтъ?
Аль животы тебѣ дороже вѣры?
А братія? А слезныя писанья
Изъ-подъ Москвы? И это ничего!
Пусть умираютъ, намъ тепло да сыто!

ЛЫТКИНЪ.

Не обижай! Я отъ міру не прочь.
Ужь коли всѣ, и я.

АКСЕНОВЪ.

Смотри, Василій!
Рцы слово твердо и назадъ не пяться.

(Подходятъ Темкинъ и Губанинъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Темкинъ и Губанинъ.

ТЕМКИНЪ (Губанину).

А, живая душа! Воротился? За барышами ѣздилъ, съ татарами торговалъ?

ГУБАНИНЪ.

Какъ ему не торговать!

ТЕМКИНЪ.

Хорошо ли съѣздилъ? Чай мошну-то туго наколотилъ?

ЛЫТКИНЪ.

Да, наколотилъ, какъ же! Ты спроси, свои-то цѣлы ли. Нажилъ добра! На харчи не хватило.

ГУБАНИНЪ.

И какъ это тебѣ только не стыдно людей морочить! Вѣстимо, даромъ не поѣдешь! Что мы тебя ограбимъ, что ли?

ЛЫТКИНЪ.

Не къ тому, другъ, что ограбишь. Гдѣ ограбить! А вотъ, право тебѣ, какъ передъ Истиннымъ....

ТЕМКИНЪ.

А я вотъ что скажу: доведись мнѣ, я бы тебя ограбилъ.

ЛЫТКИНЪ.

Что ты, что ты! Въ своемъ ли ты разумѣ?

ТЕМКИНЪ.

Да ужь ограбилъ бы: вѣрно говорю. За то за самое, что денегъ у тебя больше всѣхъ, а ты все сиротой притворяешься.

ЛЫТКИНЪ.

Нечего въ чужой мошнѣ считать, ты считай въ своей!

ГУБАНИНЪ (увидавъ Поспѣлова, который выходитъ изъ Кремля.)

Вонъ Алексѣй Михайловичъ идетъ.

ТЕМКИНЪ.

Вотъ душа человѣкъ. Нужды нѣтъ, что изъ боярскихъ дѣтей, а много проще нашего брата будетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Поспѣловъ.

АКСЕНОВЪ.

Куда гулять изволишь, Алексѣй
Михайловичъ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Пришелъ тебя провѣдать.

АКСЕНОВЪ.

Спасибо! Ты отколь?

ПОСПѢЛОВЪ.

Я изъ собора.
Вѣстей несу; да только не взыщите,
Не много радости. Романъ Пахомычъ
Да Родіонъ Мосѣичъ прибѣжали
Изъ-подъ Москвы, отписки привезли.

АКСЕНОВЪ.

Ты видѣлъ ихъ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Нѣтъ, не видалъ; Кузьма

Захарьичъ сказывалъ. Къ нему и стали.
Сряжаются на воеводскій дворъ
Несть грамоту отъ патріарха.

АКСЕНОВЪ.

Чудо
Великое творится. Божьи люди
Между враговъ безтрепетно проходятъ
Къ святому патріарху и разносятъ
По всей землѣ его благословенья
И грамоты.
Ну, Алексѣй Михайлычъ,
Ужь худо ль, хорошо ли, — не томи,
Разсказывай, какія слышалъ вѣсти.

ПОСПѢЛОВЪ.

Прокопъ Петровичъ Ляпуновъ убитъ
Казаками.

АКСЕНОВЪ.

Да что же за напасти
Такія!

ГУБАНИНЪ.

Вотъ бѣда-то, вотъ поруха
Для дѣла земскаго!

АКСЕНОВЪ.

Кабы не ты
Разсказывалъ, ни въ жизнь бы не повѣрилъ.

ЛЫТКИНЪ.

Теперь такое время, Петръ Аксенычъ, —
Хорошему не вѣрь, а что дурное
Услышишь, это, братъ, ужь вѣрно правда.

ТЕМКИНЪ.

Такъ подошло, хоть не живи на свѣтѣ!

АКСЕНОВЪ.

Бѣдамъ конца не видно. Знать Господь
Намъ прегрѣшеній нашихъ не отпуститъ
И до конца насъ хочетъ погубить.

ПОСПѢЛОВЪ.

Да, Петръ Аксенычъ, времена плохія!
Москва разорена, въ народѣ шатость
Да рознь, за что стоять не знаютъ;
Цалуютъ крестъ невѣдомо кому!

АКСЕНОВЪ.

Еретикамъ, латинцамъ, да ворамъ, —
Кому попало.

ПОСПѢЛОВЪ.

Новгородъ великій
Изъ Швеціи царевича зоветъ;
А сынъ Жигмонтовъ, Владиславъ царевичъ,
Въ Москву идетъ; во Псковѣ новый воръ,
Такой, что и сказать-то не пригоже;
Маринкинъ сынъ, Ивашко, тоже царь.

АКСЕНОВЪ.

А что же рать, что подъ Москвою въ сборѣ?
Что воеводы?

ПОСПѢЛОВЪ.

Розно разошлись —
Которые домой, другіе грабить.
Что воры не успѣли, то они
У православныхъ христіанъ растащатъ.

АКСЕНОВЪ.

Ужели жь совсѣмъ оставили Москву?

ПОСПѢЛОВЪ.

Остались подъ Москвой два воеводы:
Князь Трубецкой, да атаманъ Заруцкій.

АКСЕНОВЪ.

А что жь они?

ПОСПѢЛОВЪ.

Они-то? Цаловали
Псковскому вѣдомому вору крестъ.
Всѣ пошатнулись.

АКСЕНОВЪ.

Наше мѣсто свято!

(Вбѣгаетъ Юродивый)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Юродивый.

АКСЕНОВЪ.

Откуда, Гриша?

ЮРОДИВЫЙ.

Ась?

АКСЕНОВЪ.

Откуда молъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Въ монастырѣ обѣденку стоялъ,
И панихиду пѣли, поминали....

АКСЕНОВЪ.

Кого?

ЮРОДИВЫЙ.

Раба Прокофья.

АКСЕНОВЪ.

Упокой,
Господь, въ святыхъ твоихъ селеньяхъ душу
Раба Прокофья!

ВСѢ.

Упокой, Господь!

ЮРОДИВЫЙ.

Онъ, говорятъ, былъ добрый. Я поплакалъ
И помянулъ. Подайте на дорогу!

ПОСПѢЛОВЪ.

Прими!

(Подаетъ и уходитъ въ лавку съ Аксеновымъ)

ЛЫТКИНЪ.

Аль ты куда собрался, Гриша?

ЮРОДИВЫЙ.

Далеко. Длинная дорога; встанетъ —
Такъ до неба достанетъ. Все песками
Сыпучими, да темными лѣсами
Дремучими.

ЛЫТКИНЪ.

Куда жь дорога, Гриша?

ЮРОДИВЫЙ.

Къ честнымъ обителямъ.

ЛЫТКИНЪ.

Одинъ пойдешь?

ЮРОДИВЫЙ.

Нѣтъ, много, много.

ЛЫТКИНЪ.

Что онъ говоритъ?
Сулитъ дорогу, а куда? Извѣстно,
Одна дорога; значитъ, всѣ помремъ;
И, надо полагать, что это вскорѣ.

ГУБАНИНЪ.

Нѣтъ, надо быть, что о другой дорогѣ
Онъ говоритъ.

ТЕМКИНЪ.

Его не разберешь;
Убогой онъ у насъ и малоумный.

ЮРОДИВЫЙ (со слезами).

Нѣтъ, вотъ что: храмы тамъ безъ богомольцевъ,
Безъ пѣнія. Подайте на дорогу!

(Бѣжитъ по сценѣ. Всѣ расходятся по лавкамъ. Входятъ Биркинъ и Семеновъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Семеновъ и Биркинъ.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, вотъ, Иванъ Иванычъ, твоего
Отца и благодѣтеля не стало.
Всѣмъ горе, а тебѣ, чай, вдвое.

БИРКИНЪ.

Что жь!
Всѣ подъ Богомъ. Слезами не поможешь!
Всѣхъ мертвыхъ не оплачешь!

СЕМЕНОВЪ.

Это такъ;
А все-таки тебѣ онъ благодѣтель,
Понеже въ люди вывелъ, далъ дорогу.

БИРКИНЪ.

Самъ виноватъ, гордыня обуяла,
Да и къ тому жь съ казаками не ладилъ.

СЕМЕНОВЪ.

И по писанію, блаженъ тотъ мужъ,
Кто къ нечестивымъ на совѣтъ не ходитъ;
Съ ворами какъ же ладить! Не бери
Грѣха на совѣсть! Лихомъ поминать
Не слѣдъ тебѣ такого воеводу.
Его жь убили, онъ же виноватъ!
Не говори! Грѣшишь, Иванъ Иванычъ!

БИРКИНЪ.

Кого жь винить? Бояръ?

СЕМЕНОВЪ (со вздохомъ).

И не бояръ.
Намъ осуждать бояръ не подобаетъ, —

Мы молоды съ тобой и худородны.
А виноватъ во всемъ злохитрый врагъ,
Злокозненый діаволъ, ненавистникъ
Спасенья нашего. Онъ искони
Враждуетъ, искони злоумышляетъ
Расхитить божье стадо и украсть
И погубить въ конецъ. Его-то дѣйствомъ
Междоусобіе и рознь межь нами,
Вражда и ложь и дьявольская прелесть.
И въ прелести смятеся вся земля.

БИРКИНЪ (оглядываясь).

А въ Нижнемъ шатости не замѣчаешь?

СЕМЕНОВЪ.

Нѣтъ, Богъ хранитъ пока.

БИРКИНЪ.

А знаешь что?
Вѣдь Нижній ключъ всей Волги; за него бы
Король Жигмонтъ иль Владиславъ царевичъ
Намъ дорогую цѣну заплатили,
Кабы привесть къ присягѣ. Воеводой
Быть можно. А тебя въ Москву, въ дьяки,
Въ любой приказъ.

СЕМЕНОВЪ.

Ты шутишь, аль смѣешься?

БИРКИНЪ.

Какъ хочешь понимай!

СЕМЕНОВЪ.

Какъ понимать!
Измѣнникомъ я не былъ и не буду,
И съ дьяволомъ быть въ долѣ не хочу;
Зане отступникамъ страшна кончина!
Идутъ въ адъ, и во святыхъ церквахъ
Поминовенья о такихъ не будетъ,
И приношенья непріятны Богу,
И будетъ имъ мученье безъ конца.

БИРКИНЪ.

Я пошутилъ съ тобой.

СЕМЕНОВЪ.

Иванъ Иванычъ,
Шути съ кѣмъ помоложе. Этихъ шутокъ
Я не люблю, онѣ подвохомъ пахнутъ.

БИРКИНЪ.

Ну, не сердись! не любишь, такъ не стану
Шутить съ тобой; намъ ссориться не слѣдъ:
Не ладно въ Нижнемъ.

СЕМЕНОВЪ.

Полно, что пугаешь,
Иванъ Иванычъ; какъ тебѣ не грѣхъ!

БИРКИНЪ.

И знаешь, кто у насъ заводитъ смуту?

СЕМЕНОВЪ.

Кому же заводить?

БИРКИНЪ.

Кузьма Захарьевъ.

СЕМЕНОВЪ.

Не вѣрю, быть не можетъ.

БИРКИНЪ.

Погоди,
Дай срокъ, увидишь самъ. Всегда толпою
За нимъ народъ валитъ, все шепчутъ что-то
И по ночамъ сбираются къ нему.

СЕМЕНОВЪ.

Нѣтъ.

БИРКИНЪ.

Ты не спорь со мной; развѣдай лучше!

СЕМЕНОВЪ.

Да нѣтъ же, говорю.

БИРКИНЪ.

Не ошибись!

СЕМЕНОВЪ

Не ошибусь я въ этомъ человѣкѣ.
Кузьму я знаю вдоль и поперекъ:
Онъ боекъ на языкъ, упрямъ и дерзокъ,
Въ дѣла мѣшается, за всѣхъ заступникъ;
А все таки души онъ не продастъ;
Сгрубитъ—сгрубитъ, а смуты не затѣетъ.

БИРКИНЪ.

Отъ грубости до мятежа далеко ль!
Я не люблю, кто бойко говоритъ.

СЕМЕНОВЪ.

Да у меня вѣдь горломъ не возьмешь!
Я не ему чета, молчать заставлю.

БИРКИНЪ.

На то мы власти, чтобы насъ боялись,

Мы черный людъ, какъ стадо, бережемъ,
Какъ стадо, долженъ онъ повиноваться.

СЕМЕНОВЪ.

Я при царѣ Иванѣ началъ службу,
Въ дьякахъ состарѣлся и посѣдѣлъ.
Ужь мы съ Кузьмой не первый годъ воюемъ;
Ты слово, а онъ десять, да зубъ за зубъ.

БИРКИНЪ.

Наскочитъ на меня, такъ будетъ помнить.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, и тебя таки честитъ изрядно,
И за глаза все Тушинымъ коритъ,
А тушинцамъ у насъ почету мало;
На Волгѣ ихъ не любятъ.

БИРКИНЪ.

Не бѣда!
Насильно милъ не будешь! Ужь народецъ
У васъ на Волгѣ! Нечего сказать!
Новгородскимъ духомъ такъ и пахнетъ.
Не кстати говорливы! Вотъ ты здѣшній,
Не тушинскій; а тоже говорятъ,
Что ты берешь посулы, что съ живаго
И съ мертваго дерешь, не разбираешь.

СЕМЕНОВЪ.

Да кто же говоритъ?

БИРКИНЪ.

А все Кузьма.

СЕМЕНОВЪ.

Не вѣрь, Иванъ Иванычъ! Все напрасно;
Посуловъ не беру. Онъ злымъ поклепомъ
Меня обноситъ. Да ты самъ ли слышалъ?

БИРКИНЪ.

Самъ слышалъ.

СЕМЕНОВЪ.

Не снесу такой обиды,
Пойду челомъ ударю воеводѣ.

БИРКИНЪ.

Я говорю тебѣ, что онъ мятежникъ;—
Съ народомъ шепчетъ, а властей ругаетъ;
Небось, безъ умыслу? Да кто жь повѣритъ!

СЕМЕНОВЪ.

Его теперь и знать я не хочу,

Ругателя. Не вымолвлю ни слова,
Хоть вѣшайте.

БИРКИНЪ.

А ты пока молчи,
Умѣй скрывать обиду; дожидайся
Поры, да времени. Онъ не уйдетъ
Отъ нашихъ рукъ, запомни это слово.
Я сторожа къ нему приставилъ, знаешь,
Павлушку; онъ хоть зайца послѣдитъ;
Волкъ травленный, отъ петли увернулся.
Онъ изъ дьячковъ изъ бѣглыхъ, былъ въ подьячихъ,
Проворовался въ чемъ-то; присудили
Его повѣсить, онъ и задалъ тягу.
Теперь веревки, какъ огня боится.

СЕМЕНОВЪ.

Да можетъ быть, и не своей виной
Въ бѣду попался?

БИРКИНЪ.

Мнѣ какое дѣло!
Хоть висѣльникъ, да только бы служилъ.
Ну, и писать гораздъ, мнѣ-то и нужно.
Да мы еще съ тобою потолкуемъ.
Куда пойдешь отсюда?

СЕМЕНОВЪ.

На Оку,
Стерлядокъ искупить недорогихъ бы.

БИРКИНЪ.

Такъ вмѣстѣ и пойдемъ! И я туда же.

(Уходятъ. Изъ Кремля выходитъ Мининъ, за нимъ нѣсколько посадскихъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Мининъ.

ГОЛОСА.

Кузьма Захарьичъ идетъ! Кузьма Захарьичъ идетъ!

(Аксеновъ, Поспѣловъ, Лыткинъ и нѣсколько торговцевъ выходятъ изъ лавокъ).

МИНИНЪ (Лыткину).

А, милый человѣкъ! Какъ поживаешь?

ЛЫТКИНЪ.

Нешто!—таки живемъ; а все тоска,
Кузьма Захарьичъ. Вѣришь ли ты, руки
Отъ дѣла отымаются, и хлѣбъ
На умъ нейдетъ.

МИНИНЪ.

Да, годы испытанья
Наслалъ Господь.

ЛЫТКИНЪ.

Все боязно, Кузьма
Захарьевичъ. Не знаю, что и дѣлать,
Да какъ и быть!

МИНИНЪ.

Надѣяться на Бога
Да денежку на черный день пасти!

АКСЕНОВЪ.

Скажи намъ что нибудь, Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ.

Дурныя вѣсти изъ Москвы.

АКСЕНОВЪ.

Мы знаемъ.

МИНИНЪ.

Мнѣ Богъ гостей послалъ. Романъ Пахомычъ
Да Родіонъ Мосѣичъ, по старинной
Любви и дружбѣ, стали у меня.
Разсказами всю душу истерзали.
Въ Москвѣ не ладно; надо такъ сказать,
Что хуже не бываетъ. Владиславу
Одни послѣдствуютъ, другіе вовсе
Передались Жигмонту. Хоть и мало
Такихъ отступниковъ, да страхомъ сильны.
И тѣ, которые за Патріарха,
Стоятъ не явственно, бѣды боятся.
А на него-то наша вся надежда,
Онъ наше утвержденіе и столпъ,
Онъ твердый адамантъ въ шатаньи общемъ,
Онъ Златоустъ второй, громитъ безстрашно
Предателей. Отъ нашей стороны
Онъ ждетъ спасенья русскому народу,
И изъ темницы умоляетъ насъ
Стоять за вѣру крѣпко, неподвижно.
Пахомову не разъ онъ говорилъ:

«Спасенье русское придетъ отъ Волги.
«Хорошій, говоритъ, и чистый край!
«Снеси ты имъ мое благословенье!»
Не обезсудьте, что сказалъ вамъ мало!
У самого-то въ головѣ не ладно;
Прокопъ Петровичъ изъ ума нейдетъ.
Пойдемъ-ка потолкуемъ, Петръ Аксенычъ!

(Кланяется на всѣ стороны; всѣ расходятся по лавкамъ. Мининъ и Аксеновъ входятъ на мостки и садятся на скамью подлѣ лавки Аксенова. Поспѣловъ стоитъ у лавки. Съ Нижняго посада выходитъ Колзаковъ и трое стрѣльцовъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же. Колзаковъ и стрѣльцы.

КОЛЗАКОВЪ и СТРѢЛЬЦЫ (поютъ).

Намъ на Волгѣ жить,
Все ворами слыть;
На Яикъ идти,
Переходъ великъ;
Подъ Казань идти,
Грозенъ царь стоитъ.

КОЛЗАКОВЪ (увидя Минина).

А! Богъ тебя люби, Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ.

Ступай своей дорогой!

КОЛЗАКОВЪ.

Азъ есмь бражникъ!

МИНИНЪ.

Я вижу.

КОЛЗАКОВЪ.

Видишь, а не осуждай!
Я старый человѣкъ.

МИНИНЪ.

Тебѣ же хуже!

КОЛЗАКОВЪ.

Нельзя не пить; такое время! Вотъ что!
Ты думаешь, я съ радости; я съ горя.
Разстройство! Не возьмешь ничѣмъ! А помнишь,
Какъ помоложе былъ, такъ дѣло дѣлалъ;
Царю Ивану царства покоряли.

А что теперь! Ходили съ воеводой,
И бились тоже, крови не жалѣли;
А съ чѣмъ пришли? Въ глаза-то людямъ стыдно
Глядѣть. Какой я воинъ, братецъ! Срамъ!
И что мы за люди! Прощенья просимъ!

(Отходитъ съ стрѣльцами на другую сторону.)

СТРѢЛЬЦЫ (поютъ).

Намъ идти ль, не идти ль
На Иртышъ на рѣку,
На Иртышъ на рѣку,
Подъ Тоболъ-городокъ.

(Скрываются. Выходитъ Марѳа Борисовна, за ней двѣ женщины одѣляютъ деньгами нищихъ. Мининъ идетъ къ ней навстрѣчу.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Марѳа Борисовна.

МАРѲА БОРИСОВНА.

А я тебя ищу, Кузьма Захарьичъ!
Ты у обѣдни былъ?

МИНИНЪ.

Привелъ Господь.
Пока есть силы, каждый день бываю,
Не пропускаю.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Панихиду слушалъ?

МИНИНЪ.

Я панихиду самъ и заказалъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ужь ты прости меня! Сама не знаю,
Что говорю. Ужь кто же, какъ не ты!
Вотъ горе-то на насъ, Кузьма Захарьичъ!

(Плачетъ.)

Вѣдь я не знала.

МИНИНЪ.

Ночью вѣсть пришла.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Какъ услыхала въ церквѣ, обмерла;
Стою, себя не помню; позабыла,
Что помянуть-то надо. Прихожу
Домой къ себѣ, сижу да разливаюсь;

Какъ будто только мнѣ и дѣла; точно
Я не хозяйка въ домѣ. Да ужь послѣ
Хватилась. Разогнала всѣхъ людей
По бѣднымъ, одѣлить хоть понемногу,
Да звать обѣдать. Приказала стряпкамъ
Для нищей братіи обѣдъ готовить.
Зайди, Кузьма Захарьичъ, да зови,
Кого увидишь; вмѣстѣ помянули бъ,
Чѣмъ Богъ послалъ.

МИНИНЪ.

Благодарю за ласку.
А ужь не знаю, какъ тебѣ сказать!
Есть дѣло земское: отъ патріарха
Гонцы сегодня прибѣжали ночью;
Такъ надо бы на воеводскій дворъ
Идти. Чай, позовутъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Такъ ты попозже!
Ужь очень скучно; хоть поговорить бы;
А то изныло сердце.

МИНИНЪ.

Все отъ думы,
Дѣла не радуютъ. Я и пришелъ бы,
Да у меня у самого-то гости:
Изъ Решмы мужичокъ, изъ Балахны,
Да изъ Москвы. Гостей таки довольно.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Покорно просимъ и съ гостями!

МИНИНЪ.

Ладно!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Я очень рада буду, буду ждать.
Пока прощай!

МИНИНЪ.

Прощенья просимъ, Марѳа
Борисовна! Благодарю за память!

(Марѳа Борисовна уходитъ. Аксеновъ и Поспѣловъ выходятъ къ Минину. Павликъ пробирается въ лавку къ Лыткину.)

ПОСПѢЛОВЪ.

Объ чемъ это, Кузьма Захарьичъ, Марѳа
Борисовна съ тобою говорила?

МИНИНЪ.

Къ себѣ звала.

ПОСПѢЛОВЪ.

Пойдешь?

МИНИНЪ.

Нельзя нейдти.
Ее грѣшно обидѣть! Приходите
И вы!

АКСЕНОВЪ.

Святая женщина. Не много
Такихъ на бѣломъ свѣтѣ наберется.
Вся жизнь ея есть Господу хвала.
Во младости цвѣтущей овдовѣла,
И съ той поры, что день, то новый подвигъ.
Спроси сиротъ, спроси убогихъ, нищихъ,
Чьей милостью и сыты и одѣты,
Чья ласка краситъ горькіе ихъ дни!
Да еще плачетъ, что не всѣмъ доходитъ
Ея копейка.

ПОСПѢЛОВЪ.

Кто жь ее не знаетъ!

АКСЕНОВЪ.

На вольномъ свѣтѣ много лѣтъ я маюсь;
А, что грѣшить, не приводилось видѣть
Такого дива. Баба молодая,
Живетъ въ міру, безъ мужа, безъ опоры,
Безъ старшихъ; а черницѣ не уступитъ
Смиреніемъ, пощеньемъ и молитвой.
И весела всегда; печальнымъ видомъ
Мірскихъ людей обидѣть на желаетъ.
Другой ханжа, такъ всѣмъ нарочно кажетъ
Свой тощій обликъ, я–де вотъ пощусь.
Вотъ иногда сберутся наши бабы, —
Ну, праздничное дѣло, ужь извѣстно,
Не всѣ–то трезвы, — къ ней–то и пристанутъ:
«Да выпей съ нами!» — Рада бъ, говоритъ,
«Да я вчера, признаться, согрѣшила:
«Съ подругой все сидѣла, да тянула
«Я медъ, такой–то сладкій показался,
«Не утерпѣла. Нынче не просите!»
Она, чтобъ не обидѣть ихъ, а тѣ
Смѣются съ–дуру, весело имъ, видишь;

Ихъ полку прибыло. А ей до меду ль!
Какой тутъ медъ! И мяса-то не ѣстъ.
Гляди, всю ночь молилась со слезами,
Во власяницѣ, въ теремѣ своемъ,
Съ безсчетными поклонами земными.
А утромъ весела, на пиръ идетъ.
Онѣ смѣются, а она, голубка,
И рада, что ее не очень хвалятъ.
Сама не пьетъ, а любитъ угостить:
Я бражничалъ у ней таки довольно.
Ступайте, братцы! Что жь, коли зоветъ,
Уважить надо.

МИНИНЪ.

Мы пойдемъ. А ты?

АКСЕНОВЪ.

Недужится, ужь старъ. Былъ помоложе,
Такъ по гостямъ ходилъ; теперь и дома
Такъ только впору. Можетъ и приду,
Коль удосужусь, да не разнедужусь.

(Уходитъ въ лавку.)

ПОСПѢЛОВЪ.

Кузьма Захарьичъ! я къ тебѣ съ поклономъ, —
Замѣсто батюшки роднаго будь!
Мнѣ жизнь не въ жизнь: съ утра до поздней ночи
И съ вечера до утренней зари
Все объ одномъ я думаю-гадаю,
Одно мнѣ сна-покою не даетъ.
Ты наведи меня на умъ-на разумъ,
Прямую путь-дорогу покажи!

МИНИНЪ.

О чемъ тоскуешь?

ПОСПѢЛОВЪ.

Какъ бы это молвить!
Такое дѣло, — и сказать-то стыдно,
И утаить-то грѣхъ передъ тобой.
Иль бѣсъ мутитъ, иль ужь судьба такая,
Такой предѣлъ на долю вышелъ. Марѳа
Борисовна все изъ ума нейдетъ.
Повѣришь ли, все я объ ней жалѣю.
Мнѣ жаль ее, что сиротой живетъ,
Одна, какъ перстъ, никто не приласкаетъ,

Печаль–заботу не съ кѣмъ подѣлить.
Ну, кто ее, сиротку, приголубитъ
И, по–родному, крѣпко обойметъ?
Она о бѣдныхъ плачетъ, слезы прячетъ,
А я объ ней. Гляжу, да все боюсь,
Чтобъ на нее и вѣтеръ не повѣялъ,
Осенній дождь не канулъ на лицо,
Чтобъ не озябла, ногъ не замочила.

МИНИНЪ.

Такъ любятъ да жалѣютъ только женъ;
А то грѣшно. Ты ей самой сказалъ ли?

ПОСПѢЛОВЪ.

Не разъ не два мы съ нею говорили,
Отказомъ не обидѣла меня.
Не обѣщаетъ, да и прочь не гонитъ.

МИНИНЪ.

Такое ль время, Алексѣй Михайлычъ!

ПОСПѢЛОВЪ.

Да что мнѣ время! Жить и умирать
Ужь лучше вмѣстѣ. Годы подошли,
Кузьма Захарычъ, мнѣ нужна хозяйка.
Ей двадцать лѣтъ, и мнѣ ужь скоро тридцать;
Она богата, да и я не бѣденъ;
Мы ровни по годамъ и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навѣчно Богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Еще честнѣй въ дому благочестивомъ.

МИНИНЪ.

Придется къ слову, я поговорю.

(Уходитъ въ лавку Аксенова. Павликъ и Лыткинъ выходятъ изъ лавки; къ нимъ постепенно подходятъ изъ другихъ лавокъ и проходящіе.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Павликъ и Лыткинъ.

ПАВЛИКЪ.

Охъ дѣла, дѣла! Какъ сажа бѣла!

ЛЫТКИНЪ.

Такъ ты вѣрно знаешь, что королевичъ скоро будетъ въ Москвѣ?

ПАВЛИКЪ.

Кабы не вѣрно, я бы, другъ любезный, и не говорилъ. Намъ ли съ Иванъ Иванычемъ не знать! Мы люди чиновные, грамотные; а вы что! Чернеть!

ЛЫТКИНЪ.

Что жь потомъ съ нами будетъ, какъ королевичъ придетъ въ Москву?

ПАВЛИКЪ.

А то и будетъ, что спроситъ: «Кто мнѣ слуги вѣрные?» Ему скажутъ, а онъ будетъ ихъ жаловать. «А кто, спроситъ, намъ супротивники?» Скажутъ на насъ, ну и пошлетъ королевичъ рать-силу великую, безъ числа, и не оставятъ камня на камнѣ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Вяземскій подходилъ, да много ли взялъ!

ПАВЛИКЪ.

Что ты знаешь! Съ огненнымъ боемъ придутъ, какъ тутъ устоять!

ЛЫТКИНЪ.

Раззоръ, братцы.

ПАВЛИКЪ.

Все можетъ быть, все можетъ быть. Такъ не лучше ли намъ заблаговременно....

(Увидавъ Минина, который съ Поспѣловымъ вышелъ изъ лавки, говоритъ что-то шепотомъ.)

МИНИНЪ.

Постой! что за народъ? О чемъ толкуетъ?
Того и жди, что смута заведется.
Изъ воровскихъ полковъ съ подсыломъ много
Народу набѣгаетъ; не усмотришь,
Проѣзжій городъ. А, да это нашъ,
Изъ Биркинскихъ людей, Павлушко, писчикъ.
Негодный человѣчишко, за нимъ
Глядѣть, да и глядѣть! Что за охота
Держать такую дрянь, не знаю, право!
Послушаемъ-ко, что онъ тамъ толкуетъ.

(Подходятъ къ толпѣ.)

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Ну, что жь ты замолчалъ? — Что языкъ-то прикусилъ?

ПАВЛИКЪ.

Я живу съ краю, ничего не знаю, мое дѣло сторона.

(Убѣгаетъ).

МИНИНЪ.

Что онъ мололъ?

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Да много говорилъ. —
Про королевича. — Да разореньемъ
Все намъ грозитъ.

ЛЫТКИНЪ.

Такія страсти
Наговорилъ, не знаешь, что и дѣлать.

МИНИНЪ.

Какъ только вамъ не грѣхъ воришекъ слушать,
Бездѣльныхъ, шлющихся! Развѣсьте уши,
Имъ на руку, они тому и рады.
Ихъ много изрыгнулъ на Русь святую
Огнедыхательный діаволъ, поядатель
Душъ человѣческихъ, злохитрый змѣй.

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Да кто жь ему повѣритъ! — Зря болтаетъ! —
Учи насъ, вразумляй, Кузьма Захарычъ!

МИНИНЪ.

Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не цаловать
Ни Владиславу, ни кому другому
Изъ иноземцевъ, — ждать, кого на царство
Пошлетъ Господь и выберетъ земля.
Намъ государь — великій патріархъ,
Другаго нѣтъ у насъ. Что скажетъ — свято.

НАРОДЪ.

Что намъ прикажетъ, то и будемъ дѣлать.

МИНИНЪ.

Сегодня отъ него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтемъ и вамъ объявимъ
Его приказъ и земское рѣшенье.

(Вбѣгаетъ нѣсколько человѣкъ.)

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Отписки изъ Москвы! Гонцы съ вѣстями!

ГОЛОСА ИЗЪ ЛАВОКЪ.

Куда идутъ?

ОДИНЪ ИЗЪ ВНОВЬ ПРИШЕДШИХЪ.

На воеводскій дворъ.

ДРУГОЙ.

Письмо отъ патріарха Ермогена.

(Площадь наполняется. Входитъ Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосѣевъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосѣевъ.

РОДІОНЪ МОСѢЕВЪ.
Честнымъ Нижегородцамъ изъ Москвы,
Отъ разоренныхъ и плѣненныхъ братій
Поклонъ мы правимъ низкій, до земли.
(Кланяется, всѣ кланяются).

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.
Честному духовенству, воеводамъ
И всѣмъ, и старшимъ и молодшимъ людямъ
Благословеніе отъ патріарха.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БИРКИНЪ.—СЕМЕНОВЪ.—МИНИНЪ.—АКСЕНОВЪ.—ТЕМКИНЪ. ГУБАНИНЪ.—НАРОДЪ.

Мѣсто въ Кремлѣ близь воеводскаго дома.

ЯВЛЕНІЕ I.

Темкинъ и Губанинъ и нѣсколько народа стоятъ возлѣ дома. Аксеновъ выходитъ изъ дома.

ТЕМКИНЪ.
Что, Петръ Аксенычъ, объ чемъ читали?

АКСЕНОВЪ.
Великій господинъ нашъ патріархъ пишетъ, чтобы паньина Маринкина сына, Ивашку, на царство намъ отнюдь не хотѣть, и чтобы были мы въ любви и въ соединеніи и промышляли бы, какъ души свои положить за вѣру. Да и на словахъ про тоже приказывалъ Роману Пахомычу да Родіону Мосѣичу.

ТЕМКИНЪ.
Что жь вы такъ долго?

АКСЕНОВЪ.
Много разговору было. Кузьма на одномъ стоялъ, что грѣхъ

намъ, сложа руки, сидѣть; а надо, какъ ни-на-есть, промышлять на супостата.

ТЕМКИНЪ.

Что жь воеводы?

АКСЕНОВЪ.

Не давали ему путемъ слова вымолвить. А пуще Биркинъ да Семеновъ,—оборвали, обругали. А за что? Диви бы онъ о своемъ дѣлѣ радѣлъ! Вотъ какова злоба-то въ человѣцѣхъ!

ТЕМКИНЪ.

Доведись мнѣ, я бы съ ними поговорилъ. Я бы ихъ отчиталъ; такъ бы и вцѣпился.

ГУБАНИНЪ.

Какъ имъ не грѣхъ! Какъ это они Бога-то не боятся! Ахъ страмъ какой! Какъ это у людей стыда нѣтъ въ глазахъ!

(Выходятъ изъ дому: Биркинъ Семеновъ и Мининъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Биркинъ, Семеновъ и Мининъ.

СЕМЕНОВЪ.

Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сытъ ли ты, Иванъ Иванычъ?

БИРКИНЪ.

По горло сытъ. Отъ вашихъ разговоровъ
Завяли уши.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, Кузьма Захарьевъ,
Спасибо за науку! Угостилъ
Насъ дураковъ разумными рѣчами;
Такъ и сидѣли всѣ, развѣся уши,
Да слушали.

БИРКИНЪ.

Ну, какъ его не слушать
Онъ всѣхъ умнѣй! Ишь, краснобай какой!

МИНИНЪ.

Не помню я, что говорилъ; быть можетъ,
Кого обидѣлъ словомъ. Не вините;
Не самъ я говорилъ, кровь говорила.

СЕМЕНОВЪ.

Обидѣть не обидѣлъ, грѣхъ сказать;
А насказалъ довольно, не уложишь
Въ большой мѣшокъ.

БИРКИНЪ.

Да кто же виноватъ?
Мы сами дали волю, такъ и слушай!
А онъ и радъ.

МИНИНЪ.

Да кто же запретитъ
Мнѣ говорить?

СЕМЕНОВЪ.

Да всякій, кто постарше.

МИНИНЪ.

За вѣру православную стою,
Не за дурное что. Молчать нельзя мнѣ.

СЕМЕНОВЪ.

Вѣдь ты еще не воевода! Скажутъ,
Чтобъ говорилъ, — такъ говори, что хочешь;
А скажутъ: замолчи! Такъ замолчишь.

МИНИНЪ.

Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,
Чтобъ говорить. И говорить я буду
По улицамъ, на площади, въ избѣ,
И пробуждать, какъ колоколъ воскресный,
Уснувшія сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не такъ. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо — не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вамъ рѣчи говорилъ;
Великій господинъ нашъ, патріархъ,
Того же проситъ. Пусть насъ Богъ разсудитъ,
Кто правъ, кто виноватъ. Вы не хотѣли
Повѣрить мнѣ; смотрите, не пришлось бы
Вамъ каяться.

СЕМЕНОВЪ.

Тебѣ повѣрить? Ишь ты,
Чего ты захотѣлъ! Ты будь доволенъ,
Что слушали, молчать не заставляли.

БИРКИНЪ.

Да изъ избы не выгнали тебя.

(Уходятъ, и за ними всѣ, исключая Минина и Аксенова.)

ЯВЛЕНIЕ III.

Мининъ и Аксеновъ.

МИНИНЪ.

Знать, имъ не жаль ни крови христiанской,
Ни душъ своихъ. Какая имъ корысть!
Самимъ тепло, а братiю меньшую
Пусть врагъ сѣчетъ и рубитъ, да и души
Насильнымъ крестнымъ целованьемъ губитъ.
Просилъ я ихъ со многими слезами,
Какую ни–на–есть, придумать помощь, —
И слышать не хотятъ. Не ихъ, вишь, дѣло.
Такъ чье же?

АКСЕНОВЪ.

Не надѣйтеся на князи!
(Уходитъ.)

МИНИНЪ.

И въ правду. Намъ теперь одна надежда
На Бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чистъ предъ Богомъ? Только чистый можетъ
Святое дѣло честно совершить.
Народъ страдаетъ, кровь отмщенья проситъ,
На небо вопiетъ. А кто подыметъ,
Кто поведетъ народъ? Онъ безъ вождя,
Какъ стадо робкое, разсѣянъ розно.
Вождя, печальника о насъ, убили
Измѣной адской. Гдѣ искать другаго!
Нѣтъ помощи земной, попросимъ чуда;
И сотворитъ Господь по нашей вѣрѣ.
Молиться надо! Въ старину бывало,
Что въ годы тяжкiе народныхъ бѣдствiй
Богъ воздвигалъ вождей и изъ народа.
Не за свои грѣхи, а за чужiе
Онъ переноситъ тягостную кару.
Избитъ, ограбленъ! Нынче сытъ съ семьей,
А завтра отняли сухую корку,
Послѣднюю, что берегли ребятамъ;
Сегодня дома, завтра въ лѣсъ бѣги,

Бросай добро, лишь о душѣ заботься,
Да изъ кустовъ подглядывай, что звѣрь,
Какъ жгутъ и грабятъ, пòтомъ нажитое.
Поймаютъ, — силой приведутъ къ присягѣ,
Кривить душой, крестъ вору цаловать.
Да и не счесть всѣхъ дьявольскихъ насилій,
И мукъ непереносныхъ не исчислить!
И все безропотно и терпѣливо
Народъ несетъ, какъ будто ждетъ чего.
Возможно ль, чтобъ попустилъ погибнуть
Такому царству праведный Господь!
Вонъ огоньки зажглись по берегамъ.
Бурлаки, трудъ тяжелый забывая,
Убогую себѣ готовятъ пищу.
Вонъ пѣсню затянули. Нѣтъ, не радость
Сложила эту пѣсню, а неволя,
Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный,
Разгромъ войны, пожары деревень,
Житье безъ кровли, ночи безъ ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Всѣ слезы съ матушки широкой Руси,
Новгородскія, псковскія слезы,
Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
Отъ Волхова и до широкой Камы.
Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ,
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.
О, Господи! Благослови меня!
Я чувствую невѣдомыя силы,
Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи,
Готовъ орломъ летѣть на супостата,
Забрать подъ крылья угнетенныхъ братій
И грудью въ бой кровавый и послѣдній.
Часъ близокъ! Смерть злодѣямъ! Трепещите!
Изъ дальняго Кремля грозитъ вамъ Мининъ.
А если Богъ отступитъ отъ меня
И за гордыню покарать захочетъ;
Успѣха гордымъ замысламъ не дастъ,
Чтобъ я не мнилъ, что я его избранникъ, —
Тогда я къ вамъ приду, бурлаки-братья,

И съ вами запою по Волгѣ пѣсню,
Печальную и длинную затянемъ.
И зашумятъ ракитовы кусты,
По берегамъ песчанымъ нагибаясь;
И позабудетъ бросить сѣть рыбакъ,
И въ тихомъ плесѣ на челнѣ заплачетъ;
И дѣвка съ ведрами на коромыслѣ,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется съ горы и станетъ слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкія измочитъ рукава;
Бурлаки запоютъ ее подъ лямкой
И Балахонцы за своей работой
Надъ новою расшивой съ топорами.
И понесется пѣсня, и прольется
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока стоитъ земля.
О, Господи! Грѣшуя я; малъ я духомъ,
Смѣлъ усумниться въ благости твоей!
Нѣтъ, прочь сомнѣнья! Перстъ твой вижу ясно.
Со всѣхъ сторонъ мнѣ шепчутъ голоса:
«Возстань за Русь, на то есть воля Божья!»
(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАРѲА БОРИСОВНА.—ДОМНА, старуха.—МИНИНЪ.—АКСЕНОВЪ.—ПОСПѢЛОВЪ.—ИВАНЪ КУВШИННИКОВЪ, сотникъ изъ Балахны.—ГРИГОРІЙ ЛАПША, крестьянинъ изъ Решмы — предводители возстанія на Волгѣ. — ЮРОДИВЫЙ. — ДѢВУШКИ.

(Просторная бревенчатая свѣтлица. Въ правой стѣнѣ два маленькихъ окна; на лѣвой сторонѣ перегородка съ рѣшетчатымъ росписнымъ верхомъ; въ концѣ перегородки узенькая дверь; за дверью рѣзной и росписной столбъ, въ которомъ утвержденъ верхній брусъ перегородки; прямо за столбомъ и до самаго угла изразцовая печь; въ задней стѣнѣ выходная дверь; по задней и по правой стѣнѣ лавки; съ правой стороны, большой дубовой столъ; у перегородки небольшая приставная скамья; у задней стѣны нѣсколько пяльцевъ. Лавки, полки, косяки съ рѣзьбой).

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ: Домна, юродивый и дѣвушки, и потомъ Марѳа Борисовна.

ДОМНА.

Ну, дѣвушки, примайтесь за работу!
(Дѣвушки садятся за пяльцы).
А ты, убогонькій, у насъ ночуешь!
Что по дворамъ проситься, на ночь глядя!
Пойдешь къ заутрени, и насъ разбудишь.

(Юродивый садится къ печкѣ. Марѳа Борисовна выходитъ въ задумчивости изъ-за перегородки и садится на скамью съ лѣвой стороны. Домна садится у ногъ ея на низенькой скамейкѣ.)

А ты бы намъ сказала что нибудь.
Ишь память-то какая золотая!
А у меня такъ словно рѣшето;
Что ни услышу, тутъ же и забуду.
Ты давеча не досказала утромъ
Намъ про царевича, какъ открывали;
Вотъ, благо время, доскажи теперь!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Да, дѣвушки, произволеньемъ Божьимъ,
И въ наше время чудо совершилось.
И говорятъ, все цѣло: ожерелье
Жемчужное, шириночка въ рукѣ
Тафтяная, вся золотомъ расшита
И серебромъ, кафтанчикъ на хребтахъ
На бѣличьихъ и сапожки; все цѣло....
Да горсть орѣшковъ; какъ его убили,
Въ рукахъ держалъ орѣхи; обагрились
Орѣшки кровью; такъ и положили
Съ нимъ вмѣстѣ. Вотъ какое чудо было!
Перенесли изъ Углича въ Москву,
Тамъ и стоитъ, и многихъ исцѣляетъ.
(Молчаніе.)

ДОМНА.

Замолкли. Тихій ангелъ пролетѣлъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Чѣмъ молча-то сидѣть, такъ лучше спойте

Намъ «О пустынѣ» стихъ душеполезный,
Любимый мой.

ДОМНА.

Благое дѣло — славить
На всякій день и часъ Господне имя,
Да и работа, говорятъ, спорится
За пѣніемъ благочестивымъ. Пойте!

ДѢВУШКИ (поютъ).

Пустыня прекрасная!
Меня многогрѣшную,
Какъ чадо свое, пріими,
Любимая мать моя,
Въ пристанище тихое,
Въ безмолвныя нѣдра свои!
Чертоги высокія
И ризы богатыя
Меня отъ грѣховъ не спасутъ.
Богатства и почести
Всѣ тлѣнны и суетны,
Не станутъ со мною на судъ.
Луга твои тихіе,
Цвѣты испещренные,
И красенъ и дивенъ твой садъ!
Деревья кудрявыя,
И листье зеленые
Въ пустынѣ безъ вѣтра шумятъ.

(Останавливаются. Всѣ прислушиваются).

ДОМНА.

Стучится нѣкто.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Отопри, поди!

(Дѣвушки собираютъ работу. Домна уходитъ, и скоро возвращается).

ДОМНА.

Гостей веду. Идетъ Кузьма Захарьичъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Одинъ, или ведетъ кого нибудь?

ДОМНА.

Какіе-то незнаемые люди.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Подите, дѣвушки!

(Дѣвушки уходятъ. Входятъ: Мининъ, Кувшинниковъ и Лапша).

ЯВЛЕНІЕ II.

Марѳа Борисовна, Домна, Мининъ, Кувшинниковъ, Лапша и юродивый.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Покорно просимъ.

(Домнѣ).

А ты поди да принеси медку!

(Домна уходитъ).

МИНИНЪ.

Съ гостями; ужь не осуди!

МАРѲА БОРИСОВНА.

И, что ты!

МИНИНЪ.

Иванъ Кувшинниковъ, изъ Балахны,
Начальный человѣкъ; а это Гриша
Лапша, изъ Решмы, тоже воевода.
Взялъ мужичковъ, кой-чѣмъ вооружились,
Да съ Богомъ и пошли на супостата.
И Богъ помогъ, себя не осрамили.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ну, вотъ спасибо за такихъ гостей!
Прошу садиться!

КУВШИННИКОВЪ.

Ты, Кузьма Захарьичъ,
Садись впередъ.

МИНИНЪ.

Вы гости, я здѣсь свой.

КУВШИННИКОВЪ.

Лапша, садись!

ЛАПША.

Нѣтъ, мнѣ не подобаетъ.
Садись, я за тобой.

(Садятся.)

МИНИНЪ.

Ну, вотъ и ладно.

(Садится.)

А! Да и Гриша здѣсь!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ступай-ко въ кухню,
Да и ложись на печку; тамъ теплѣе.

ЮРОДИВЫЙ.

Прощайте!

(Уходитъ.)

МИНИНЪ.

Божій человѣкъ. Лѣтъ съ восемь
Тому, къ намъ въ городъ онъ еще ребенкомъ
Пришелъ и сѣлъ на паперти церковной.
Откуда, кто такой,—никто не знаетъ.
Должно быть сирота бездомный. Мало
И говоритъ, и только церковь любитъ.
Ѣстъ, что дадутъ, спитъ, гдѣ укажутъ. Разумъ
Не хитрый у него, а богомоленъ:
Пристанетъ къ богомольцамъ да и бродитъ
По всѣмъ обителямъ. Въ Москву ходилъ,
И въ Кіевъ, и къ Ростовскимъ чудотворцамъ.
Прослышалъ онъ про разоренье наше,
И слабый умъ въ немъ больше помутился;
Еще онъ тише сталъ, еще святѣе,
И все сбирается куда-то, денегъ
Все на дорогу проситъ. И за мной
Онъ слѣдомъ ходитъ и въ глаза мнѣ смотритъ,
Какъ будто онъ прочесть въ нихъ хочетъ что-то,
Иль ждетъ чего. А спросишь, такъ молчитъ.
Не разговорчивъ онъ; вотъ развѣ вспомнитъ
Про красоту обителей святыхъ,
Тогда разговорится и представитъ,
Какъ въ очію, и красоту лѣсовъ,
И горъ и рѣкъ широкихъ. Все бы слушалъ!
И умный не разскажетъ такъ, какъ онъ.

(Домна приноситъ медъ въ жбанѣ и стопку на оловянной тарелкѣ. Марѳа Борисовна беретъ стопку. Домна наливаетъ.)

МАРѲА БОРИСОВНА (поднося Кувшинникову).

Медку пожалуйте, честные гости!

КУВШИННИКОВЪ.

У насъ такъ все съ хозяйки начинаютъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Нѣтъ, батюшко, уволь! Пила довольно.

КУВШИННИКОВЪ.

Неволить не могу, я не указчикъ
Въ чужомъ дому.

(Кланяется, пьетъ, и хочетъ поставить стопку).

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ужь просимъ обо всей!

(Кувшинниковъ допиваетъ. Домна наливаетъ, Марѳа Борисовна подноситъ Лапшѣ).

Григорій.... Какъ по отчеству не знаю....

ЛАПША.

Петровичъ былъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Покорнѣйше прошу!

ЛАПША.

Ужь мнѣ-то пить ли?

МИНИНЪ.

Пей!

ЛАПША.

Оно, какъ будто,

Не складно мужику-то?

МИНИНЪ.

Не осудимъ.

ЛАПША (беретъ и кланяется).

Желаю здравствовать на многи лѣта!

(Пьетъ. Домна наливаетъ).

МАРѲА БОРИСОВНА (подноси Минину).

Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ (отпивъ немного, ставитъ стопу).

Больше не просите!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ну, какъ угодно.

(Входятъ Аксеновъ и Поспѣловъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аксеновъ и Поспѣловъ.

МИНИНЪ.

Вотъ и наши идутъ.

АКСЕНОВЪ.

Здорова ли ты здѣсь?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Кажись, здорова.

(Подноситъ имъ меду и, молча, приглашаетъ садиться).

ПОСПѢЛОВЪ (Аксенову).

Тебѣ впередъ.

АКСЕНОВЪ.

Не мѣстомъ, человѣкомъ.

(Садятся. Марѳа Борисовна подвигаетъ скамѣйку и садится. Молчаніе).

МАРѲА БОРИСОВНА.

Послушать бы теперь, Кузьма Захарьичъ,
Твоихъ рѣчей. Сладка твоя бесѣда.

МИНИНЪ.

Да рѣчь-то у меня одна все, Марѳа
Борисовна.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ее-то намъ и нужно.

МИНИНЪ.

Ну, такъ начнемъ! Москва разорена?

АКСЕНОВЪ.

Разорена.

МИНИНЪ.

Такъ ей и оставаться?

КУВШИННИКОВЪ.

Какъ можно!

ЛАПША.

Что ты!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Сохрани Господь!

МИНИНЪ.

Москва намъ корень; прочимъ городамъ?

АКСЕНОВЪ.

Извѣстно, корень. Что и говорить!

МИНИНЪ.

А если корнемъ основанье крѣпко,
Тогда стоитъ и древо неподвижно;
А корени не будетъ, — прилѣпиться
Къ чему?

ЛАПША.

Ну, что ужь!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Господи помилуй!

МИНИНЪ.

Москва кормилица, Москва намъ мать!

КУВШИННИКОВЪ.

Кормилица и мать.

ЛАПША.

Родная мать.

МИНИНЪ.

А развѣ дѣти могутъ мать покинуть
Въ бѣдѣ и горѣ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Мы не покидали.
Ты самъ ходилъ съ Алябьевымъ по Волгѣ
И по Окѣ, и воры васъ боялись.
Мы съ Рѣпнинымъ ходили и къ Москвѣ,
Да воротились, отъ того, что ладу
Богъ не далъ воеводамъ. Грѣхъ на нихъ!
Имъ отвѣчать, а мы не виноваты.
Мы головы свои несли и души
За вѣру православную сложить, —
Господь не принялъ.

АКСЕНОВЪ.

Не было стратиговъ.

МИНИНЪ.

Тогда Пожарскій съ Ляпуновымъ были
Вожди искусные. Спроси, о комъ
Народъ молебны пѣлъ? О Ляпуновѣ
Да о Пожарскомъ князѣ. Знать, молитвамъ
Не внялъ Господь за прегрѣшенья наши.

АКСЕНОВЪ.

Пожарскій раненъ, Ляпуновъ убитъ.

МИНИНЪ.

Осиротѣла Русь! Ни воеводы,
Печальника о насъ сиротахъ бѣдныхъ,
Ни патріарха, ни царя. Какъ стадо
Безъ пастыря, мы бродимъ, злому волку —
Губителю добыча.

ПОСПѢЛОВЪ.

Бить волковъ!

КУВШИННИКОВЪ.

Извѣстно, бить! Ужь будетъ, потерпѣли!

ЛАПША.

Мы топоры и косы отточили,
Которые объ нихъ же притупили.

ПОСПѢЛОВЪ.

Душа кипитъ, давно простору проситъ
И руки чешутся.

МАРѲА БОРИСОВНА.

За чѣмъ же дѣло

Откладывать? Благословясь, да съ Богомъ,
Не мѣшкая!

АКСЕНОВЪ.

Отложишь поневолѣ.
Что скоро, то не споро, говорятъ.

МИНИНЪ.

Друзья, повѣрьте мнѣ, такія рѣчи
И слушать весело, и слезы льются
Отъ радости; а все таки Аксенычъ
Намъ правду молвилъ. Не такое дѣло,
Чтобъ торопиться.

АКСЕНОВЪ.

Надо разсудить,
Да поразмыслить.

ПОСПѢЛОВЪ.

Думать ваше дѣло.

МИНИНЪ.

Что есть у насъ? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Сберемъ казну, и люди соберутся,
Стрѣльцы, казаки. Всякаго народу
По свѣту бѣлому довольно бродитъ
Безъ дѣла и безъ хлѣба; рады будутъ
Трудомъ себѣ копейку заработать.
Не все же грабить! Хоть не всѣ, а помнятъ,
Что есть Богъ на небѣ, что Онъ судья
Всѣхъ дѣлъ и тайныхъ помышленій нашихъ.
А воеводу міромъ изберемъ.

АКСЕНОВЪ.

Кого излюбимъ, тотъ у насъ и будетъ.

МИНИНЪ.

Казна всего нужнѣе.

АКСЕНОВЪ.

Вѣрно слово.

МИНИНЪ.

Гдѣ взять казны?

ПОСПѢЛОВЪ.

Собрать, Кузьма Захарьичъ.

МИНИНЪ.

Да много ли сберешь! На разговоры
Всѣ тороваты, а коснись до дѣла,
Такъ и попрячутся. Не то что денегъ,
И тѣхъ, что посулили, не найдешь.

ПОСПѢЛОВЪ.

А ты не обижай, Кузьма Захарьичъ!

АКСЕНОВЪ.

Не обижаетъ, дѣло говоритъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Вотъ все, что есть, возьмите, коли нужно.

МИНИНЪ.

Душа святая! О тебѣ нѣтъ рѣчи!
Твои достатки и тебя мы знаемъ.
Ты все отдашь, и я отдамъ и онъ, —
Все будетъ мало. Съ чѣмъ тутъ приниматься!
И только что обидимъ мы безъ пользы
Самихъ себя, а дѣлу не поможемъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Хоть и не много соберемъ, все помощь.

МИНИНЪ.

Какая жь помощь?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Мы къ Москвѣ пошлемъ.

МИНИНЪ.

Кому? Заруцкому да Трубецкому?
Возьмутъ, да и спасиба намъ не скажутъ.
Нѣтъ, надо погодить сбирать казну.
Я говорилъ сегодня воеводамъ,
Просилъ ихъ порадѣть о земскомъ дѣлѣ,
Да не хотѣли слушать. Дьякъ Семеновъ
Да Биркинъ чуть не выгнали меня.
Какъ на врага какого ополчились,
Обидѣли меня и обругали.
Не вѣдаю, за что напасть такая!
Когда ужь власти не хотѣли слушать,
Кто насъ послушаетъ! Въ бѣдахъ и въ горѣ
Сердца окаменѣли. О себѣ
Печется каждый, ближнихъ забывая.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Такъ что же дѣлать намъ, Кузьма Захарьичъ?

МИНИНЪ.

Самихъ себя сначала приготовить
Должны мы; помыслы постомъ очистить,
Говѣньемъ волю утвердить на подвигъ
И скорому помощнику молиться;
Онъ дастъ намъ разумъ, дастъ намъ силу слова,

Сухимъ очамъ пошлетъ источникъ слезъ;
Тогда пойдемъ будить уснувшихъ братій
И божьимъ словомъ зажигать сердца.

(Встаетъ и всѣ за нимъ).

АКСЕНОВЪ.

На проповѣдь выходятъ, какъ на битву
Во всеоружіи. Не всѣмъ подъ силу
Высокая апостольская доля!

МИНИНЪ.

Молись да жди, пока Господь сподобитъ
Тебя такую вѣру ощутить
Въ душѣ твоей, что ты не усомнишься
Съ горами рѣчь вести и приказать
Горамъ сползти съ широкихъ основаній
И двинуться къ тебѣ, и будешь вѣрить,
Что двинутся; тогда покинь свой домъ,
Себя забудь и дѣлъ своихъ не дѣлай!
На улицу, на площадь, на базары,
Гдѣ есть народъ, туда и ты иди!
Тогда пошлемъ по дальнимъ городамъ;
А по окольнимъ разойдемся сами,
И нашихъ устъ смиренные глаголы
Польются въ души, и сердца въ народѣ
Затеплятся, какъ свѣчи предъ иконой.
Давайте руки! Кто за Божье дѣло?

ВСѢ.

Мы всѣ идемъ!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Благослови васъ Богъ!

МИНИНЪ.

Мы будемъ знаменья просить у Бога,
Когда начать. Онъ самъ покажетъ время.
Тогда сбирать казну на помощь ратнымъ!
Сбирать людей на выручку Москвы!
И пусть тогда, кто носитъ крестъ на тѣлѣ,
Приноситъ въ сборъ всѣ животы свои,
Душа твоя нужна,— отдай и душу!

АКСЕНОВЪ.

Помолимся! Благословенно буди
Господне имя нынѣ и до вѣка!
Прощай, хозяюшка.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Прощенья просимъ.

КУВШИННИКОВЪ.

За угощенье!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ну, ужь не взыщите!
Чѣмъ Богъ послалъ.

ЛАПША.

За ласковое слово.

МАРѲА БОРИСОВНА.

На-предки не забудьте!

МИНИНЪ.

Ваши гости!
(Уходятъ, кромѣ Поспѣлова).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марѳа Борисовна, Поспѣловъ, Домна и потомъ дѣвушки.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Покличь-ко дѣвокъ, Домнушка, сюда.
Да и сама приди!

ДОМНА.

Какъ разъ, я духомъ.
(Уходитъ. Молчаніе).

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ты, Алексѣй Михайлычъ, на дорожку
Медку не хочешь ли?

ПОСПѢЛОВЪ.

Пожалуй, выпью.
Да не объ медѣ рѣчь! Мнѣ слаще меда
Твой разговоръ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Какой проказникъ! Право!
(Подноситъ медъ, Поспѣловъ пьетъ).

ПОСПѢЛОВЪ.

Повѣрь, не до проказъ. Меня ты знаешь;
Съ покойникомъ твоимъ мы дружно жили,
Росли мы вмѣстѣ, вмѣстѣ воевали,
Одна душа у насъ, одинъ обычай.
(Молчаніе).
Родныхъ, что было, примерли давно;
Я круглымъ сиротой остался, Марѳа

Борисовна. Сладка ли жизнь такая!
Ты мнѣ роднѣе всѣхъ. Чѣмъ я не любъ,
Скажи?

МАРѲА БОРИСОВНА.

И, что ты! что ты! Богъ съ тобой!
Съ чего ты взялъ? Нѣтъ, ты не обижай!
Кто говоритъ тебѣ, что ты не любъ мнѣ!

(Входятъ: Домна и дѣвушки, молча, садятся за работу).

ПОСПѢЛОВЪ.

Ну, любъ, такъ ладно. Вотъ спасибо, Марѳа
Борисовна! Сказалъ бы я словечко
Еще тебѣ; боюсь—не прогнѣвить бы.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Какъ не грѣшно тебѣ! Да чѣмъ же можешь
Ты прогнѣвить меня!

ПОСПѢЛОВЪ

Своей любовью.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ахъ!... Нѣтъ.... я право.... Что тебѣ смотрѣть
На гнѣвъ мой! Что же, развѣ что дурное
Ты говоришь мнѣ! Ты не виноватъ,
Что съ добрымъ сердцемъ ты на свѣтъ родился.
Какая же въ любви обида! Мнѣ
Тебя благодарить за это надо.

ПОСПѢЛОВЪ.

Давно ужь я сбираюсь съ духомъ, Марѳа
Борисовна, хочу тебѣ сказать:
Будь мнѣ женою; съ честными вѣнцами
На головахъ и съ радостью на лицахъ,
По соболямъ, войдемъ въ мой домъ просторный
Жить-поживать и въ холеньѣ и въ нѣгѣ,
И за любовь до гробовой доски
Дѣлить и радость пополамъ и горе.
Другой бы я сказалъ, не побоялся,—
А предъ тобой, какъ точно передъ грознымъ
Царемъ стою, жду милости, иль казни;
Боюсь, что словомъ, ровно какъ злодѣю,
Ты снимешь голову съ могучихъ плечъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Нѣтъ, ты меня не бойся.... Пожалѣй
Ты слабость женскую! Медовой рѣчью

Вдовѣ мірскаго счастья не сули!
Ты не мути мой тихій сонъ мечтою,
И вдовьихъ слезъ моихъ не отнимай!
Послушай, мой желанный! Я по правдѣ
Скажу тебѣ: ты любъ мнѣ, я другаго
Хозяина себѣ и не желаю.
Ты, Алексѣй Михайлычъ, мужъ такой,
Какого не найдешь.... Да только вотъ что:
То не здоровится, то дѣла много
По дому, знаешь. Какъ-то все не время....
Повѣришь ли, съ ногъ сбилась отъ заботы.
Мы лучше ужь немного подождемъ.
Ты не печалься, Алексѣй Михайлычъ!
Еще вѣдь наше время не ушло. (Молчаніе).
Я, можетъ, и не такъ что разсудила,
Ты не взыщи! Таковъ нашъ бабій разумъ.
Тебя мнѣ жаль, вотъ видитъ Богъ что жаль.
Да что же дѣлать, неудобно время.

ПОСПѢЛОВЪ.

Голубушка! Зачѣмъ себя ты губишь!
Въ твоей порѣ, тебѣ бы только ласку!
Отъ ласки женскій полъ еще цвѣтнѣй!
Что сохнуть-то тебѣ одной, какъ въ кельѣ,
И день и ночь съ ворчливою старухой
Все объ одномъ и томъ же толковать!
Тебя бы цаловать, да миловать,
Да крѣпко къ сердцу прижимать!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ну, будетъ!
Мы послѣ какъ нибудь поговоримъ.
Не до того мнѣ, Алексѣй Михайлычъ!
Такъ голова съ чего-то разболѣлась,
Ужь и не знаю. Лучше не тревожь
Меня теперь! Найдемъ такое время
Свободное.

ПОСПѢЛОВЪ.

Изволь, моя родная!
Ждалъ долго, можно подождать еще.
Прощенья просимъ!

МАРѲА БОРИСОВНА.

И меня прости.

Господь съ тобой!

ПОСПѢЛОВЪ.

Богъ дастъ, коль живы будемъ,
Увидимся.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ну, какъ не увидаться!

(Поспѣловъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, безъ Поспѣлова.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Какія рѣчи! Господи помилуй!
Не слушать бы! А какъ же ихъ не слушать!
Въ міру живешь, съ людями; по мірски
И надо жить, — все видѣть и все слышать.
Куда бѣжать отъ суеты мірской!
Какъ отъ соблазна чистой уберечься!
Зіяетъ бездна, каждый часъ шумитъ
Житейское волнуемое море.
Ушла бы я, на крыльяхъ улетѣла
Въ святую келью, въ тихій уголокъ;
И въ трепетномъ сіяніи лампады,
Въ благоуханной тишинѣ святыни
Земное небо, рай свой, увидала:
Боюсь внести въ святую тишину
Горячую, бунтующую юность.
О юность, юность, скоро ль ты пройдешь!
Мнѣ съ міромъ легче, чѣмъ съ тобой бороться.
Куда нейду, соблазнъ за мною слѣдомъ;
Напрасно я фатой широкой крою
И блескъ очей, и бѣлое лицо:
Подуетъ вѣтеръ, такъ ли распахнется,
И мигомъ грѣхъ въ чужой душѣ посѣешь.
И видишь юношу, стоитъ онъ нѣмъ,
Другаго взгляду ловитъ, самъ готовитъ
Въ своемъ умѣ лукавые привѣты.
Вотъ по слѣдамъ идетъ и шепчетъ въ уши,

Завѣшенныя жемчугомъ, и жемчугъ
Не охраняетъ; весь соблазнъ, весь ядъ
Мнѣ прямо въ сердце, въ кровь мою проходитъ,
И слабый умъ все болѣе слабѣетъ,
И сладокъ грѣхъ является тебѣ;
И слушаешь, боишься оглянуться,
Какъ точно двое за тобою идутъ:
Одинъ лицо привѣтливое кажетъ
И ненаглядную красу, и юность,
И, молча, улыбается. Другой же
Темнѣе ночи, и глаза, какъ угли,
Горятъ во лбу, и длинный хвостъ тащится.
Идетъ и шепчетъ льстивымъ языкомъ
Соблазнъ и грѣхъ. О, Господи, помилуй!
О юность, юность, молодое время!
Куда бѣжать мнѣ! Господи, помилуй!

(Закрываетъ лицо руками).

ДОМНА.

Вы видите, сгрустнулась, поминаетъ
Объ юности. Вы спойте ей про юность!

ДѢВУШКИ (поютъ).

Юность, моя юность — молодое время!
Юность возбудися, — въ себѣ ощутися!
Юность возбудилась, въ себѣ ощутилась,
Въ разумъ приходила, слезно говорила:
Кто добра не ищетъ, кто худа желаетъ!
Я была бы рада, — сила моя мала!
Сижу на конѣ я, и тотъ необузданъ,
Смирить коня нечѣмъ, — крѣпкихъ возжей нѣту.
Вижу я погибель, страхомъ вся объята,
Не знаю, какъ быти, чѣмъ коня смирити!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(ОКТЯБРЬ 1611 Г.)

СЦЕНА I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БИРКИНЪ. — СЕМЕНОВЪ. — МИНИНЪ. — ПОСПѢЛОВЪ. — АКСЕНОВЪ. — ТЕМКИНЪ. — ГУБАНИНЪ. — ЛЫТКИНЪ. — НЕФЕДЪ — сынъ Минина. — ПАВЛИКЪ. — МАРѲА БОРИСОВНА и ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА — жена Минина.

(Всякіе люди Нижняго-Новгорода).

(Небольшая площадь въ Кремлѣ, недалеко отъ собора. Къ концу, въ седьмомъ явленіи, начинаетъ смеркаться).

ЯВЛЕНІЕ I.

Выходятъ: Лыткинъ и Павликъ.

ЛЫТКИНЪ.

Да что ты ужь очень печалишься?

ПАВЛИКЪ.

Будешь печалиться! развѣ ты нашего Ивана Иваныча не знаешь! Взглянетъ только, и то морозъ по кожѣ подираетъ. А вѣдь я въ какую бѣду-то влѣзъ. О, горе мнѣ грѣшнику! Языкъ мой — врагъ мой!

ЛЫТКИНЪ.

Въ чемъ же ты провинился?

ПАВЛИКЪ.

Въ чемъ? Велико мое окаянство! Страшно и вымолвить! Посылалъ онъ меня къ одному благопріятелю своему съ письмомъ; куда посылалъ, ужь это не твоего ума дѣло; проѣздилъ я безодня двѣ недѣли и вернулся вчера утромъ. Только хмѣленъ былъ очень, домой-то идти побоялся. Встрѣлся я съ пріятелемъ, съ стрѣльцемъ; тутъ еще подошли человѣкъ съ пятокъ, тоже стрѣль-

цы; зашли мы во царевъ кабакъ, купили винца, пошелъ у насъ шумъ, разговоры. Вотъ я, съ пьяныхъ-то глазъ, и проболтнись. Придетъ, говорю, королевичъ на царство, Ивана Иваныча сдѣлаетъ воеводой въ Нижнемъ, а меня дьякомъ; потому, говорю, что мы ему слуги вѣрные. Откуда ни возьмись Мининъ, хвать меня за воротъ, я въ ноги; валялся, валялся я въ ногахъ-то, отпустилъ, только не велѣлъ навстрѣчу попадаться. Вотъ какое дѣло-то! Ну, какъ онъ скажетъ Ивану Иванычу, либо ужь сказалъ! что тогда! Повѣситъ не повѣситъ, а кнута отвѣдаешь. Ужь это лучше и къ бабушкѣ не ходи! Никакъ онъ идетъ! Ой, схоронимся.

(Уходятъ. Выходитъ Биркинъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

БИРКИНЪ (одинъ).

Здѣсь въ Нижнемъ что-то зрѣетъ. По всему
Замѣтно, что народъ затѣялъ нѣчто.
Все замолчало, какъ постомъ великимъ;
На всемъ какое-то говѣнье видно;
Блѣднѣютъ лица, а глаза сіяютъ.
Но что же можетъ сдѣлать этотъ людъ?
Пойдти къ Москвѣ нестройною аравой
И умирать, иль разбѣгаться розно,
Отъ польскихъ латниковъ. Пускай идутъ,
Попробуютъ; а намъ просторнѣй будетъ.
Не знаю, что мнѣ дѣлать! Не найдешь
Товарищей; никто не хочетъ слушать.
Съ Семеновымъ пріятели большіе,—
А какъ до дѣла — затыкаетъ уши.
Онъ старъ да глупъ, упрямъ да безтолковъ,
Съ нимъ пива не сваришь. Нѣтъ, здѣсь не тяга!
Махнуть въ Казань: тамъ есть благопріятель,
Тому не въ первый, — онъ вертѣлъ хвостомъ
Еще при Шуйскомъ. Человѣкъ онъ сильный,
Живетъ себѣ не тужитъ, только брюхо
Роститъ да гладитъ бороду свою.
Да что жь онъ держитъ моего холопа,
Павлушку! (Павликъ входитъ). Вотъ онъ! Какъ же ты посмѣлъ,

Не показавшись, по городу шляться?
Все пьянствуешь, анаѳема! Смотри!
Кнута попробуешь! Когда пріѣхалъ?

ПАВЛИКЪ.

Сегодня утромъ.

БИРКИНЪ.

Что жь ты не явился?
Объ двухъ ты, что ли, головахъ, бездѣльникъ!
Ну, мы сочтемся дома. Говори,
Что видѣлъ и что слышалъ.

ПАВЛИКЪ.

Есть письмо.
(Достаетъ письмо).

БИРКИНЪ.

Давай сюда! Проворнѣй! (Беретъ и читаетъ) А словами
Приказывалъ, аль нѣтъ? Въ письмѣ не пишетъ
Всего, — и дѣльно: писано перомъ,
Не вырубишь и топоромъ. Онъ пишетъ:
«А про мое здоровье Павелъ скажетъ».
Ну, сказывай!

ПАВЛИКЪ.

Богъ милуетъ, здоровъ,
И кланяться велѣлъ тебѣ, и молвилъ,
Что онъ своимъ умомъ живетъ, что въ мутной
Водѣ онъ ловитъ рыбу въ-тихомолку,
И что своя рубашка къ тѣлу ближе,
Что смѣлымъ Богъ владѣетъ. Вотъ и все.
Какой приказъ твой, государь, мнѣ будетъ?

БИРКИНЪ.

Ступай, теперь въ народѣ потолкайся!
И, что услышишь, приходи сказать!
(Павликъ уходитъ. Выходитъ Семеновъ. Народъ проходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Биркинъ и Семеновъ.

БИРКИНЪ.

Что тяжко воздыхаешь?

СЕМЕНОВЪ.

О грѣхахъ.

Къ землѣ гнетутъ и тянутъ, словно ноша.
Что жь у вечерни-то, Иванъ Иванычъ,
Ты не былъ? Аль проспалъ?

БИРКИНЪ.

И то проспалъ.
Легъ послѣ хлѣба-соли малымъ дѣломъ
Соснуть, да и проспалъ. Хожу, гуляю,
Пусть вѣтромъ пообдуетъ послѣ сна.

СЕМЕНОВЪ.

Гуляй, гуляй! Вы люди молодые, —
Еще замолите; а намъ такъ жутко
Приходитъ, старикамъ. Не нынче — завтра
Богъ по душу пошлетъ; тогда ужь поздно
Грѣхи замаливать; ступай къ отвѣту!
Судья предстанетъ, свитокъ развернутъ,
Что злые мурины (*) всю жизнь строчили
На всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ.
Что сдѣлалъ худо, черный муринъ пишетъ;
Помыслилъ, — не пропуститъ и того.
Чего, чего въ томъ свиткѣ не найдется!
А добрыхъ дѣлъ вотъ списочекъ, такой
Коротенькій, представитъ со слезами
Хранитель-ангелъ и отыдетъ прочь.

БИРКИНЪ.

Ты что-то рано умирать задумалъ!
А выдетъ, что и насъ переживешь.

СЕМЕНОВЪ.

«Не вѣсте, сказано, ни дня, ни часа.»

БИРКИНЪ.

Да что ты пріунылъ, какъ посмотрю я?
И всѣ вы, точно мухи въ сентябрѣ,
Чуть бродите.

СЕМЕНОВЪ.

Да что жь тебѣ за диво!
Не радуетъ ничто — и пріуныли.
Тебѣ что весело?

БИРКИНЪ.

Упынье — грѣхъ!

(*) То же, что «нечистой».

СЕМЕНОВЪ.
Да и плясать, когда другіе плачутъ,
Не спасенье!
БИРКИНЪ.
Вѣдь это человѣкомъ:
Одинъ слезливъ, другому обухомъ
Слезы не вышибешь. Пойдемъ! Есть дѣло
Мнѣ до тебя. Попьемъ да потолкуемъ.
СЕМЕНОВЪ.
Что жь, праздничное дѣло, я не прочь.
БИРКИНЪ.
У насъ такъ праздникъ каждый день, Василій
Семеновичъ. Гдѣ бражникъ, тамъ и праздникъ.
(Уходятъ. Выходятъ Марѳа Борисовна и Поспѣловъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марѳа Борисовна и Поспѣловъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Давненько не видались.
ПОСПѢЛОВЪ.
Шесть недѣль.
МАРѲА БОРИСОВНА.
Какъ время-то идетъ!
ПОСПѢЛОВЪ.
А что?
МАРѲА БОРИСОВНА.
Да скоро.
ПОСПѢЛОВЪ.
Не больно-то! Мнѣ эти шесть недѣль
Не за годъ, не солгу, а за полгода
Никакъ не меньше показались.
МАРѲА БОРИСОВНА.
Что такъ?
ПОСПѢЛОВЪ.
Да развѣ ты не знаешь?
МАРѲА БОРИСОВНА.
Ахъ, голубчикъ!
Я думала, что ты ужь и забылъ!
ПОСПѢЛОВЪ.
А ты бъ и рада?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Да не то, что рада,
А все не время, некогда подумать.

ПОСПѢЛОВЪ.

Объ чемъ тутъ думать, голову ломать!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Кто жъ за меня подумаетъ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Все я же,
И за себя, и за тебя.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Какой ты
Догадливый! Спасибо, что избавилъ
Меня отъ тяжкой думы, отъ заботы!
Позволь спросить, по твоему-то какъ же
Выходитъ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Помолясь, да по рукамъ.
Сиротскимъ дѣломъ сходимъ на могилку
Родителямъ почившимъ поклониться,
А тамъ, какъ водится, честнымъ пиркомъ
Да и за свадебку.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Не долго думалъ,
А хорошо сказалъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

А не что худо?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ты лучше знаешь.

ПОСПѢЛОВЪ.

Значитъ, такъ и быть,
По моему?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Да ну ужъ ладно, ладно.

ПОСПѢЛОВЪ.

Утѣшила меня ты. Точно камень
Лежалъ на сердцѣ, отлегло теперь.
А то, бывало, сердце, ровно голубь,
Такъ и колотится безъ перемолку.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ты помолчи пока, мой другъ сердечный!

ПОСПѢЛОВЪ.

Зачѣмъ молчать? Кого же мы боимся!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Что прежде времени молву пускать!
Не къ спѣху дѣло, погодимъ немного.

ПОСПѢЛОВЪ.

Чего еще? Ты развяжи меня!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ну, что на улицѣ за разговоры!
Не мало дней у Бога; потолкуемъ
И послѣ, безъ помѣхи, на досугѣ.
Ступай себѣ! Вонъ, видишь, изъ собора
Татьяна Юрьевна выходитъ. Плачетъ
Объ мужѣ, бѣдная. Прощай, голубчикъ!
Пойду я къ ней, разговорю немного.

(Поспѣловъ уходитъ. Выходитъ Татьяна Юрьевна и двѣ женщины.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Марѳа Борисовна, Татьяна Юрьевна и двѣ женщины.

1-я ЖЕНЩИНА.

Повѣрь, что съ глазу, больше ни съ чего.

2-я ЖЕНЩИНА.

А то испортилъ кто нибудь. По вѣтру
Болѣзнь пущаютъ злые люди часто.

(Обѣ проходятъ.)

МАРѲА БОРИСОВНА.

Татьяна Юрьевна, оставь кручину!
Напраснымъ страхомъ сердца не томи!
Пройдетъ невзгодье, мирно Богъ устроитъ,
И миромъ оградитъ святую Русь,
Тогда Кузьма Захарьичъ перестанетъ
Печалиться, здоровъ и веселъ будетъ.
Не плачь, грѣха на душу не бери!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Какъ мнѣ не плакать! Ты бы поглядѣла,
Что сталось съ нимъ. Какъ ярый воскъ, онъ таетъ,
Отъ сна, отъ пищи, отъ всего отсталъ
И буйную головушку повѣсилъ.
И все молчитъ. Вотъ иногда и спросишь:
«О чемъ ты, милъ-сердечный другъ, тоскуешь?»
Не скажетъ, нѣтъ, не скажетъ, промолчитъ,

Махнетъ рукой; а иногда заплачетъ,
Такъ и уйдетъ. Посмотришь вслѣдъ ему,
Да и зальешься горючьми слезами.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Молись, Татьяна Юрьевна, молись!
Да меньше плачь! Господь ему поможетъ.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Да что же онъ молчитъ-то! Я жена,
А не чужая.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Что же будетъ проку
Тебѣ сказать-то! Посуди сама:
Коротокъ женскій умъ, отъ насъ совѣту
Не ждать имъ; ну, а праздно толковать
О дѣлѣ важномъ — тоже не годится!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Головушка кручинная моя!
(Качаетъ головой и задумывается.)
Ты видѣла, стоялъ онъ у вечерни.
На что похожъ! Вѣдь краше въ гробъ кладутъ.
Глаза горятъ, лицо, какъ саванъ бѣлый,
Засохшія не шевелятся губы;
Какъ вкопаный, онъ не сводилъ съ иконы
Очей; крестомъ сложенные персты
До яснаго чела не подымались;
И только слезы, какъ ручьи весною,
Бѣжали по щекамъ, по бородѣ,
И капали. Убогонькой Гришутка
Сталъ рядомъ съ нимъ, какъ листъ дрожитъ и плачетъ,
То на него, то на икону взглянетъ.
Къ добру ли это? Говорятъ, за кѣмъ
Убогій ходитъ, тотъ на бѣломъ свѣтѣ
Ужь не жилецъ. А Гриша, какъ нарочно,
Не отстаетъ ни шагу отъ него.

МАРѲА БОРИСОВНА.

И, полно ты! Кого убогій любитъ,
Тотъ человѣкъ угоденъ, значитъ, Богу.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Кто Господу угоденъ, тѣхъ Господь
Къ себѣ беретъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Отчаянье грѣхъ смертный!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

О! загляни ты въ грудь, что тамъ творится!
Тогда и осуждай!

(Молчаніе.)

Сегодня ночью
На малый часъ онъ не уснулъ, и только
Въ соборный ранній благовѣстъ забылся;
Какъ звоны отошли, онъ вдругъ проснулся,
Вскочилъ съ постели, разбудилъ весь домъ,
Велѣлъ зажечь всѣ свѣчи, всѣ лампады,
И до свѣту молился со слезами.
И мы молились. «Чудо! чудо Божье!»
Онъ все твердилъ, а не сказалъ, какое.

МАРѲА БОРИСОВНА.

На васъ нисходитъ благодать Господня,
Вашъ домъ онъ избралъ для чудесъ своихъ.
Ты радуйся, не плачь! Молебны пойте!
Изъ всѣхъ церквей иконы поднимите!
И крестнымъ ходомъ городъ весь пойдетъ
Съ хвалебнымъ пѣніемъ и со свѣчами
На мѣсто свято.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Проводи меня!

МАРѲА БОРИСОВНА.

А гдѣ же мужъ?

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Въ соборѣ съ протопопомъ
Остановился, говорятъ о чемъ-то.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Пойдемъ, Татьяна Юрьевна, пойдемъ!

(Уходятъ. Выходятъ: Аксеновъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и разные торговые и посадскіе люди).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Аксеновъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ, народъ.

АКСЕНОВЪ.

Ну, такъ какъ же ребятушки, а? Ну вотъ теперь насъ много сошлось, давайте, поговоримъ толкомъ!

ЛЫТКИНЪ.

И то надо толкомъ. А то что это! Господи, Боже мой! Тотъ говоритъ: «давай денегъ!» Другой говоритъ: «давай денегъ!» А для чего, никто толкомъ не скажетъ.

ТЕМКИНЪ.

Тебѣ только все разговаривать, лясы точить; а дѣла-то дѣлать, видно, ты не любишь! Мало еще, что ли, разговору-то было! Сорокъ дней со днемъ сходимся да толкуемъ.

ГУБАНИНЪ.

Ужь и не говори! Срамъ! То есть, кажется, не глядѣлъ бы людямъ въ глаза отъ стыда, особливо Кузьмѣ Захарьичу. Онъ о земскомъ дѣлѣ печалится, а мы.... Ахъ, стыдобушка!

АКСЕНОВЪ.

Значитъ, ребята, какъ въ послѣдній разъ говорили, такъ и быть: третью деньгу.

ГОЛОСА.

Третью деньгу.—Что жь, мы не прочь!—Такъ тому и быть! — Что сказано, то свято!

ГУБАНИНЪ.

Всѣ, дѣдушка, согласны, всѣ. (Къ народу). Не стыдите, братцы! (Аксенову). Дѣдушка! Спорщиковъ нѣтъ.

АКСЕНОВЪ.

Постой ты, погоди! Отъ трехъ денегъ — деньгу; отъ рубля — десять алтынъ, отъ трехъ рублей — рубль.

ГОЛОСА.

Ладно! Ладно! (Разговоръ въ толпѣ:) Съ десяти рублевъ выходитъ — три рубля, да десять алтынъ. — А отъ сорока? Долго ль счесть! — Съ пятидесяти рублевъ, — пятнадцать, рублевъ. — Не пятнадцать, а шестнадцать рублевъ, двадцать два алтына. — Ишь ты счетчикъ! Да ужь ладно, ладно!

ЛЫТКИНЪ.

Стойте! Какъ же это! Значитъ, все одно, что семейный, что одинокій?

ГУБАНИНЪ.

Какъ тебѣ не грѣхъ ротъ-то разѣвать! Ужли одинъ противъ всѣхъ пойдешь?

АКСЕНОВЪ.

Тебѣ что за дѣло до одинокихъ! Одинокій-то, можетъ, все отдастъ, да и самъ своей головой пойдетъ.

ТЕМКИНЪ.

Ахъ ты, жила! Прости Господи!

ЛЫТКИНЪ.

Да что жила! Кому жь своего не жаль!

ГУБАНИНЪ.

На земское-то дѣло? Экой срамъ! Ну ужь....

АКСЕНОВЪ.

Стало быть и дѣлу конецъ. Отслужить молебенъ, да и собирать.

ГУБАНИНЪ.

У насъ въ рукавичномъ ряду ужь и деньги готовы.

ГОЛОСА.

Въ желѣзномъ хотятъ собирать. — Толкуютъ и въ хлѣбномъ. — И въ горшечномъ. — И въ мясномъ. — И рыбаки.

ЛЫТКИНЪ.

А какъ же теперь товаръ?

ТЕМКИНЪ.

Прикинемъ.

ГОЛОСА.

Извѣстно, прикинемъ, что чего стоитъ. — Долго ль прикинуть. — Въ цѣну поставимъ.

ЛЫТКИНЪ.

А кто прицѣнивать будетъ?

ТЕМКИНЪ.

Все мы же.

ГОЛОСА.

Промежь себя выберемъ. — Всякій въ своемъ ряду. — Свой судъ короче.

ЛЫТКИНЪ.

Да какъ же я повѣрю чужому человѣку свое добро цѣнить!

АКСЕНОВЪ.

Мы не безъ креста ходимъ.

ТЕМКИНЪ.

Самому тебѣ не счесть, какъ мы сочтемъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Мы торговые люди, другъ у дружки каждую деньгу насквозь видимъ.

ЛЫТКИНЪ.

Что жь такое! Лучше ложись, да умирай!

ТЕМКИНЪ.

Ну и умирай! Ну, умирай!

АКСЕНОВЪ.

Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь! Такъ ступай въ лѣсъ да и живи себѣ. Съ людьми живешь, такъ и слушай, что

міръ говоритъ. Больше міру не будешь! Міръ никто не судитъ, одинъ Богъ. Велитъ міръ, такъ и все отнимутъ.

ТЕМКИНЪ.

Да и отнимемъ, силой отнимемъ.

ЛЫТКИНЪ.

Да вѣдь это разоръ!

ТЕМКИНЪ.

Ну, да что на него смотрѣть, Петръ Аксенычъ! Какъ сказано, такъ и будетъ. На томъ всѣ и станемъ.

ГОЛОСА.

Всѣ. — Всѣ.

ТЕМКИНЪ.

Есть тутъ кто нибудь изъ нѣмцевъ?

НѢМЕЦЪ.

Я.

ТЕМКИНЪ.

Ты согласенъ?

НѢМЕЦЪ.

Да!

ТЕМКИНЪ.

Вотъ видишь ты, Василій! Ну скажи ты мнѣ теперь, есть въ тебѣ душа, али нѣтъ?

ГУБАНИНЪ.

Брось ты его!

ТЕМКИНЪ.

Зрѣть не могу такихъ людей; вся душа во мнѣ поворачивается.

ГОЛОСА.

Кузьма Захарьичъ идетъ! — Кузьма Захарьичъ.

(Входитъ Мининъ. Всѣ кланяются).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Мининъ.

АКСЕНОВЪ.

Что ты не веселъ, голову повѣсилъ?
Аль что не ладно? Али прихворнулъ?
Какія вѣсти есть?

МИНИНЪ.

Вѣстей довольно.

АКСЕНОВЪ.

Что пишутъ?

МИНИНЪ.

Все одно и тоже, точно
Какъ сговорились. Всѣ хотятъ быть съ нами
Въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи,
На разорителей хрестьянской вѣры
Единомышленно идти готовы.
Теперь летѣть бы къ матушкѣ Москвѣ!
Подняться нечѣмъ, спутала нужда,
Узломъ орлиныя связала крылья.
Видна добыча, а тяжелыхъ крыльевъ
Не отдерешь, и бейся о земь грудью
И алую точи по каплѣ кровь!

АКСЕНОВЪ.

Мы положили третью деньгу брать
Отъ денегъ, отъ товару тоже.

МИНИНЪ.

Мало.

АКСЕНОВЪ.

И тѣ съ трудомъ, а больше не сберешь.

МИНИНЪ.

Я знаю.

АКСЕНОВЪ.

Тяжело однимъ. Помогутъ
Другіе города.

МИНИНЪ.

Плохая помощь!
Всѣ обнищали. Рады бы помочь,
Да нечѣмъ.

АКСЕНОВЪ.

Такъ и быть. На нѣтъ — суда нѣтъ.
Что есть, съ тѣмъ и пойдемъ. Наймемъ подмогу,
Стрѣльцовъ бродячихъ да казаковъ конныхъ.

МИНИНЪ.

Ждать нечего, пойдемте умирать
За Русь святую! Сходимъ къ воеводѣ,
Челомъ ударимъ, чтобы велъ къ Москвѣ;
А не пойдетъ, такъ выберемъ другаго.
Мнѣ ждать нельзя. Мнѣ Богъ велѣлъ идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божій. Не пойдетъ никто, одинъ

Пойду. На перепутьяхъ буду кликать
Товарищей. Въ себѣ неволенъ я.
Послушайте! (Всѣ оступаютъ его) Сегодня поздней
ночью,
Ужь къ утру близко, сномъ я позабылся,
Да и не помню хорошенько, спалъ я
Или не спалъ. Вдругъ вижу: образница
Вся облилася свѣтомъ; въ изголовьи
Передъ иконами явился мужъ
Въ одеждѣ схимника, весь въ херувимахъ,
Благословляющую поднялъ руку
И рекъ: «Кузьма! Иди спасать Москву!
«Буди уснувшихъ!» Я вскочилъ отъ ложа,
Видѣнья дивнаго какъ не бывало;
Соборный благовѣстъ волной несется,
Ночная темь колышется отъ звона,
Оконницы чуть слышно дребезжатъ,
Лампадки, догорая, чуть трепещутъ
Неяснымъ блескомъ, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоямъ
Благоуханье.

АКСЕНОВЪ.

Слава въ вышнихъ Богу!
Но кто же старецъ? Разсмотрѣлъ ли ты?
Угодниковъ ты подлинники знаешь.

(Входитъ Нефедъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Нефедъ.

НЕФЕДЪ.

Гдѣ батюшко?

МИНИНЪ.

Что надо? Что случилось?

НЕФЕДЪ.

Гонцы отъ Троицы живоначальной,
Отъ Сергія угодника пришли.

МИНИНЪ.

От Сергія угодника? И старецъ,
Явившійся мнѣ грѣшному, былъ Сергій.

ГОЛОСА.

Перстъ Божій! — Божья воля! — Чудеса!
Еще отъ насъ Господь не отступился.

НЕФЕДЪ.

У нихъ письмо отца архимандрита
И келаря.

МИНИНЪ.

На воеводскій дворъ
Ступай, Аксенычъ, прямо къ воеводѣ!
Оповѣсти его! А вы сбирайте
Дворянъ, дѣтей боярскихъ, и головъ,
И сотниковъ стрѣлецкихъ и казацкихъ,
И земскихъ старостъ, и гостей, и всякихъ
Людей служилыхъ къ воеводѣ въ домъ.
Не соберутся, такъ въ набатъ ударимъ.
А ты, Нефедъ, домой! Веди гонцовъ!
Какъ есть съ дороги, такъ пускай и идутъ.
Теперь въ послѣдній разъ, друзья, пойду я
Боярамъ, воеводамъ поклониться.
Молитесь Богу, чтобъ смягчилъ онъ сердце
Властителей, смирилъ гордыню ихъ,
Чтобы помогъ мнѣ двинуть кроткимъ словомъ
На дѣло Божье сильныхъ на землѣ.

ГОЛОСА.

Господь поможетъ. — Онъ тебѣ поможетъ. —
Молиться будемъ! Господа умолимъ.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВОЕВОДА, АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧЪ АЛЯБЬЕВЪ. — БИРКИНЪ. — СЕМЕНОВЪ. — МИНИНЪ. — АКСЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ. — КОЛЗАКОВЪ. — РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Дворяне, дѣти боярскіе, головы, старосты, богатые посадскіе люди. Большая, богатая изба въ воеводскомъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ избу входятъ постепенно разныя лица, все болѣе пожилыя и зажиточныя, потомъ Аксеновъ. Вновь пришедшіе кланяются молча съ тѣми, которые пришли прежде. Говорятъ вполголоса.

ГОЛОСА.

Зачѣмъ насъ собираютъ? Аль бѣда какая? — Нѣтъ, грамоту изъ Сергіева монастыря привезли.—Вѣрно не легко, коли грамоты пишутъ? — Какая легость! Видимая смерть! Наша рать разошлась, а къ врагу на подмогу сила подходитъ. — Что же въ грамотѣ пишутъ? — Подожди малость, все узнаемъ. (Аксеновъ входитъ). Кто привезъ грамоту?

АКСЕНОВЪ.

Романъ Пахомычъ. Кому же больше!

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Эка, голова!

АКСЕНОВЪ.

Самъ великій господинъ патріархъ называетъ ихъ, его да Родіона Мосѣича, безстрашными людьми. Такъ и пишетъ: «а пришлите мнѣ тѣхъ безстрашныхъ людей!»

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Говорятъ, Пахомовъ отъ всякой напасти заговоренъ.

АКСЕНОВЪ.

Толкуй тутъ! Извѣстно, Божьимъ произволеніемъ. Къ патріарху ходитъ, благословеніе принимаетъ; а ты: «заговоренъ!» Нѣчто такіе заговоренные-то бываютъ!

ДРУГОЙ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Заговореный-то который — и креста не носитъ; а не то, что къ благословенію идти.

АКСЕНОВЪ.

Да еще къ кому! Къ самому патріарху!

(Входятъ: Мининъ, Поспѣловъ и Романъ Пахомовъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Мининъ, Поспѣловъ и Романъ Пахомовъ.

ГОЛОСА.

Романъ Пахомычъ, здравствуй! — Здравствуй! — Какъ тебя Богъ милуетъ? — Здорово ли доѣхалъ? — Чай усталъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Немножко есть. Послѣднія двѣ ночи не ночевалъ, все ѣхалъ.

АКСЕНОВЪ.

Гдѣ ѣхалъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Отъ Троицы на Суздаль, оттуда на Балахну.

АКСЕНОВЪ.

Чиста дорога?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Ничего, Богъ миловалъ.

ГОЛОСА.

Что въ Москвѣ? — Что въ Москвѣ, Романъ Пахомычъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Плохо.

ГОЛОСА.

А что? — Что такое?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Пожжено, разорено, хлѣба мало.

ГОЛОСЪ.

Ужли и хлѣба мало?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Мало. Я стоялъ у одного посадскаго, у Яузскихъ воротъ, — бѣдствуетъ.

ГОЛОСА.

Ахъ, сердечные! — Эка бѣда! — Эка причина!

АКСЕНОВЪ.

Скажи ты мнѣ на милость, пуще мнѣ всего: къ патріарху ходу нѣтъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Теперь нѣтъ, крѣпко держутъ.

АКСЕНОВЪ.

И все воръ Андроновъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Всѣ хороши.

ГОЛОСА.

А что Трубецкой? — Что Заруцкій съ войскомъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Какое это войско! Воръ на ворѣ! Содомъ!

(Входятъ: Воевода, Биркинъ, Семеновъ, Колзаковъ и нѣсколько народу).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Алябьевъ, Биркинъ, Семеновъ, Колзаковъ и другіе. Воевода садится за столъ; нѣкоторые садятся; нѣкоторые стоятъ. Романъ Пахомовъ подаетъ грамоту воеводѣ.

ВОЕВОДА.

Здорово ли доѣхалъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Ничего.

ВОЕВОДА.

Ну, молодецъ же ты, Романъ Пахомовъ!
Хвала и честь тебѣ! Чай отдохнуть
Съ дороги-то захочешь?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Да когда ужь!
Велѣли къ вамъ заѣхать, да въ Казань.
Ужь отдохну, вернувшись изъ Казани.

(Отходитъ).

ВОЕВОДА.

Всѣ собралися?

ГОЛОСА.

Всѣ.

ВОЕВОДА (отдаетъ грамоту Семенову).

Читай, Василій!

СЕМЕНОВЪ.

Сначала тутъ, какъ водится, всѣ власти
Казанскія и весь народъ помянутъ:
Татары, черемиса, вотяки
И прочіе. (Читаетъ) «Не разъ мы вамъ писали
О нашей гибели и разореньи;
И снова молимъ васъ: не позабудьте,

Что вы родились въ православной вѣрѣ,
Святымъ крещеніемъ знаменовались.
Сего-то ради положите подвигъ
Страданья вашего за вашихъ братій!
Молите всѣмъ народомъ христіанскимъ
Людей служилыхъ быть въ соединеньи,
И за одно стоять противъ враговъ
И всѣхъ предателей хрестьянской вѣры.
Вы сами видите, что всѣмъ близка
Отъ тѣхъ враговъ конечная погибель.
Въ которыхъ городѣхъ они владѣли,
Какое разоренье учинили!
Гдѣ Божьи образы и гдѣ святыня?
Не все ли разорили до конца
И обругали наглымъ поруганьемъ!
Гдѣ множество безчисленное въ градѣхъ?
Не всѣ ли люто горькими смертями
Скончалися! Гдѣ въ селахъ наши чада,
Работные? Не всѣ ли пострадали
И въ плѣнъ разведены! Не пощадили
И престарѣвшихъ возрастомъ. Сѣдинъ
Не усрамились старцевъ многолѣтнихъ
И душъ незлобивыхъ младенцевъ. Всѣ
Испили чашу праведнаго гнѣва.
Попомните и смилуйтесь надъ нами,
Надъ общей гибелью, чтобъ васъ самихъ
Та лютая погибель не постигла!
Не мѣшкая, идите въ сходъ къ Москвѣ!
Вы сами знаете, всему есть время,
Безъ времени бездѣльно начинанье
И суетно. А если есть межь васъ
Какое недовольство, отложите!
Соединитесь всѣ, забывъ обиды,
И положите подвигъ пострадать
Для избавленія православной вѣры!
Незакосненно сотворите дѣло,
Казною и людями помогите!
Чтобъ скудостью и гладнымъ утѣсненьемъ
Боярамъ, воеводамъ и всѣмъ людямъ
Порухи никакой не учинилось.

О томъ васъ молимъ много со слезами,
И отъ всего народа бьемъ челомъ!»

ВОЕВОДА.

Вели списать ты списокъ слово въ слово,
А грамоту отдай свезти въ Казань.

МИНИНЪ.

А что отвѣтимъ?

СЕМЕНОВЪ.

Знаютъ воеводы
Про то, а наше дѣло будетъ — слушать.

МИНИНЪ.

Послушаемъ.

ВОЕВОДА.

Мы рады бы идти,
Да насъ походы разорили вовсе.
Давно ль ходилъ князь Александръ Андреичъ,
И я ходилъ; безъ дѣла не сидѣли!
Казны да войска просятъ. Гдѣ жь намъ взять?

АКСЕНОВЪ.

Поищемъ, такъ найдемъ.

СЕМЕНОВЪ.

А гдѣ найдешь ты?

АКСЕНОВЪ.

Промежь себя найдемъ; сберемъ, что можемъ.

СЕМЕНОВЪ.

Да много ль денегъ?

МИНИНЪ.

Сколько ни на есть!
Ужь это наше дѣло.

ВОЕВОДА.

Доброй воли
Я не снимаю съ васъ. Сбирайте съ Богомъ!

СЕМЕНОВЪ.

Ну, можетъ быть, кой-что и соберете;
Что жь дѣлать будете?

АКСЕНОВЪ.

Тебя не спросимъ.

МИНИНЪ.

Наймемъ людей служилыхъ да стрѣльцовъ,
Да и пошлемъ къ Москвѣ.

СЕМЕНОВЪ.

Безъ воеводы?

МИНИНЪ.

Какъ прежь-того водилъ Андрей Семенычъ,

Такъ и теперь ему челомъ ударимъ.

ВОЕВОДА.

Я не пойду, усталъ.

МИНИНЪ.

Андрей Семенычъ!
Ты вздумай, если нашимъ нерадѣньемъ
Московскому крещеному народу
Конечная погибель учинится,
Изсякнетъ корень христіанской вѣры,
И благолѣпіе церквей Господнихъ
Въ Московскомъ государствѣ упразднится, —
Какой отвѣтъ дадимъ мы въ оный день,
Въ день страшнаго суда?

ВОЕВОДА.

А кто порукой,
Что наше войско врагъ не одолѣетъ,
Что врозь оно не разбѣжится, прежде
Чѣмъ мы Москву передъ собой увидимъ.
Не хуже насъ ходили воеводы!
Со всѣхъ концовъ безчисленное войско
Шло подъ Москву громовой черной тучей.
Рязанцы шли съ Прокопомъ Лапуновымъ,
Изъ Мурома съ окольничьимъ Масальскимъ,
Изъ Суздаля съ Андреемъ Просовецкимъ,
Изъ городовъ поморскихъ шелъ Нащекинъ,
Съ Романова, съ татарами-мурзами
И съ русскими шли Пронскій да Козловскій,
Съ Коломны и съ Зарайска князь Пожарскій,
Петръ Мансуровъ велъ Галицкихъ людей,
Изъ Костромы пошли съ Волконскимъ княземъ,
Изъ Нижняго князь Александръ Андреичъ.
Да не далъ Богъ; всѣ розно разошлись.
Такъ какъ же хочешь ты, чтобъ съ горстью войска
Я шелъ къ Москвѣ! Мнѣ съ Господомъ не спорить!

МИНИНЪ.

Мы все на Бога. Сами виноваты,
А говоримъ: «Богъ не далъ». Да за что
Ему и дать-то намъ! Такое дѣло
Великое какъ дѣлалось, самъ знаешь.
Когда-то соберутся да пойдутъ,
Какъ точно черезъ пень колоду валятъ.

А соберутся, — споры да раздоры:
Да не о томъ, кто первый помереть
За Русь святую хочетъ; — разбираютъ,
Кто старшій, набольшій, кто чиномъ больше,
Кто стольникъ, видишь ты, а кто бояринъ.
Другой бояринъ-то, гляди, въ Калугѣ
Боярство-то отъ вора получилъ.
Поспорятъ, покричатъ, дойдетъ до драки;
До смертнаго убивства доходило!
Потомъ и разойдутся насъ же грабить,
Врагу на радость, царству на погибель.
Да ты не осердись, Андрей Семенычъ!

ВОЕВОДА.

За что сердиться! Правду говоришь.

МИНИНЪ.

А тамъ и говорятъ, что не далъ Богъ.
Что за корысть великимъ воеводамъ
За насъ, за маленькихъ людей, сражаться,
За дѣло земское стоять до смерти!
Имъ хочется пожить да погулять!
Имъ хорошо вездѣ. Съ царемъ повздорилъ,
Такъ въ Тушино, — тамъ чинъ дадутъ боярскій;
Повздорилъ тамъ, опять къ царю съ повинной:
Царь милостивъ, проститъ; а то такъ въ Польшу.
Да и цалуютъ крестъ, кому попало,
Не разбирая; на году разъ пять
Господне имя всуе призываютъ.
И всѣ они, прости меня Господь,
Для временныя сладости забыли
О мукѣ вѣчной. Имъ ли насъ спасать!
Такими ли руками Русь очистить,
И въ ней Господне царство обновить!

ГОЛОСА

Что правда,—правда; что грѣха таить!

ВОЕВОДА.

Кому жь стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьевъ?

МИНИНЪ.

Тѣмъ, кто больше терпитъ,
Кто передъ Богомъ не кривилъ душой.
Когда народъ за Русь святую встанетъ,

И дастъ Господь побѣду надъ врагомъ.
Намъ дороги родныя пепелища,
Мы ихъ не промѣняемъ ни на что.
Намъ вѣра православная да церковь
Дороже всѣхъ сокровищъ на землѣ.
Мы волею креста не целовали
Губителямъ. А гдѣ и огрѣшились,
Съ веревкою на шеѣ присягали,
Да и не знаютъ, какъ и замолить.
Вотъ Кинешма, и Лухъ, и Болохна,
И Юрьевецъ омылися въ крови,
Свою вину сторицей искупили.
Самъ разсуди: по деревнямъ, по селамъ,
Что терпятъ! Врагъ внезапу набѣгаетъ,
Дома разграбитъ, да сожжетъ и церковь,
Что обыдёнкой сложена всѣмъ міромъ
За избавленье Божіе отъ мора,
Иль отъ другой напасти. Что тогда?
Куда податься? Лучше умереть
Въ честномъ бою, всѣмъ разомъ, съ глазу на глазъ
Съ врагомъ, — чѣмъ гибнуть всѣмъ по одиночкѣ,
Въ плетняхъ да въ рощахъ звѣремъ укрываясь.

ВОЕВОДА.

За умноженіе грѣховъ Господь
Насъ наказалъ. Мы знаемъ всѣ и терпимъ.
Такъ не грѣшно ли противъ Божьей воли
Намъ возставать? Не лучше ли смириться?
Подумай! Тяжело бороться съ Богомъ!

МИНИНЪ.

Господь не вѣкъ враждуетъ противъ насъ
И грѣшнику погибели не хочетъ.
Придетъ пора, молитвой и слезами
Святителей и праведныхъ людей
Разящій гнѣвъ Господень утолится
И намъ смиреннымъ снидетъ благодать.
Господь смиряетъ и Господь возноситъ,
Введетъ въ бѣду и изведетъ изъ бѣдъ.
Врагъ одолѣлъ, творя его велѣнье,
Смирились мы, и намъ Господь пошлетъ
Побѣду на врага и одолѣнье!

ВОЕВОДА.

Мнѣ слѣду нѣтъ идти, пускай другіе.

МИНИНЪ.

Ты не пойдешь, мы безъ тебя пойдемъ.
Позволь мнѣ завтра кликнуть кличъ къ народу;
Что соберемъ, съ тѣмъ и пойдемъ къ Москвѣ.
По деньгамъ глядя, принаймемъ казаковъ.

БИРКИНЪ.

Не знаю, что Андрей Семенычъ скажетъ,
А я бъ тебѣ и думать не позволилъ
Сбивать казаковъ своевольныхъ въ городъ.
Въ Казани ихъ пущаютъ понемногу,
Такъ человѣкъ десятка два не больше,
Боясь смуты. Да и хорошо.
Въ тебя не влѣзешь. Говорятъ, чужая
Душа потемки. Можетъ, ты затѣялъ
Какую смуту, аль измѣну взчать!
Твой замыселъ лукавъ, Кузьма! Ты хочешь
Опутать краснымъ словомъ черный людъ
И властвовать.

МИНИНЪ.

Постой, Иванъ Иванычъ!
Чего не знаешь, ты бъ не говорилъ.
Я вотъ и знаю, да молчу. Ты лучше
Смотрѣлъ бы на себя, а не корилъ
Поклепомъ злымъ людей, себя честнѣе.
Тебя съ собой я не зову къ Москвѣ;
Тебѣ и въ Тушинѣ тепло бывало.
Живи себѣ, да бражничай здѣсь въ Нижнемъ!
Я не мѣшаю, не мѣшай и ты!
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты языкъ прикусишь.

СЕМЕНОВЪ.

При тебѣ,
Андрей Семеновичъ, такія рѣчи
Онъ говоритъ. Возможно ли терпѣть!

МИНИНЪ (показывая на Биркина).

Ты видишь, терпитъ.

ВОЕВОДА.

Замолчи, Кузьма!

МИНИНЪ.

Я замолчу, да ужь и онъ не скажетъ
Ни слова больше, головой отвѣчу.

СЕМЕНОВЪ.

Такъ я скажу. Я замыселъ твой вижу.
Не смуту, нѣтъ, ты смуты не затѣешь,
Ты отъ казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой поживиться, вотъ что!
Вы всѣ барышники!

МИНИНЪ.

Очнись, Василій
Семеновичъ! Ты старый человѣкъ!
По дурости ты это говоришь,
Или по злобѣ на меня, — не знаю.
Нѣтъ, я души своей не продавалъ
И не продамъ. Душа дороже денегъ,
Мы знаемъ твердо, ты не позабылъ ли?
Мы тѣмъ живемъ, что Богъ въ торгу пошлетъ;
Къ поборамъ, да къ посуламъ не привыкли;
Добро чужое честно бережемъ,
А истеряемъ, такъ своимъ заплатимъ.
Ты будь покоенъ, я и не возьмуся
Ни собирать, ни соблюдать казну.
Мы старикамъ дадимъ на сбереженье,
Ужь только не тебѣ, ты не взыщи!
Вотъ, Петръ Аксенычъ, человѣкъ бывалый!
Найдутся и другіе послужить
Для дѣла земскаго.

АКСЕНОВЪ.

Богъ дастъ, послужимъ.
Не въ тягость служба, коли дѣло Божье,
Да земское.

ВОЕВОДА.

А много ли собрать
Мекаете? Вамъ это дѣло ближе,
Виднѣе.

МИНИНЪ.

Прикажи намъ кликнуть кличъ,
Тогда увидимъ.

СЕМЕНОВЪ.

Много не сберете.

АКСЕНОВЪ.

Что Богъ пошлетъ, и тѣмъ довольны будемъ.
Такъ прикажи, Андрей Семенычъ, кликнуть!

ВОЕВОДА.

Всѣ просите?

ГОЛОСА.

Всѣ, всѣ, Андрей Семенычъ!

ВОЕВОДА.

Ну, кличте, съ Богомъ!

СЕМЕНОВЪ (Минину).

Соберешь алтынъ
За гордость за свою.

МИНИНЪ.

Не ошибись!

АКСЕНОВЪ.

Благодаримъ тебя, Андрей Семенычъ,
Что ты позволилъ намъ къ народу кликнуть
И собирать казну на Божье дѣло!
За что бы, кажется, благодарить!
Свои мы деньги соберемъ, положимъ
Свои труды; да вѣдь другой, пожалуй,
И помѣшалъ бы намъ, а ты велишь.
Такъ ужь тебѣ спасибо и за это!

МИНИНЪ.

Князья и воеводы и бояре
И всѣ честные люди, посудите
Своимъ умомъ и разумомъ великимъ
Мою простую рѣчь! Не обезсудьте,
Что я, помимо старшихъ, затѣваю
Такое дѣло! Не своя гордыня
Ведетъ меня. Гордыня — вражье дѣло;
А я слуга, я рабъ велѣнiй Божьихъ.
Сегодня ночью преподобный Сергiй
Мнѣ грѣшному явился и велѣлъ онъ
Будить народъ и поспѣшать къ Москвѣ.
Когда я близкимъ сталъ про это чудо
Разсказывать, въ тотъ самый часъ гонцы
Явились съ грамотой архимандрита.
И мнится мнѣ, что самъ угодникъ Сергiй
Ее прислалъ. Бояре, воеводы!
Я чудо Божье утаить не смѣлъ
И вамъ повѣдалъ все, какъ передъ Богомъ.

И слушать и не слушать ваша воля;
А мнѣ одно: служить я буду Богу.
Я рабъ, пославшаго творю велѣнья,
Пока исполнится завѣтъ Господень,
Пока кремлевскія увижу стѣны.

ГОЛОСА.

Иди, иди къ Москвѣ, Кузьма Захарьичъ!
Тебя Господь поддержитъ, укрѣпитъ....

ВОЕВОДА.

И мы по силѣ-по мочи поможемъ.

ГОЛОСА.

Поможемъ всѣ тебѣ!—Поможемъ всѣ!

ВОЕВОДА.

А грамоту снесите къ протопопу,
Чтобъ завтра за обѣдней прочиталъ.
Велите въ колоколъ большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

СЕМЕНОВЪ.

А гдѣ свинцу да пороху возьмете?
Безъ огненнаго бою какъ соваться!

МИНИНЪ.

Займемъ въ Казани, тамъ въ остачѣ много.

СЕМЕНОВЪ.

А не сберешь ты войска, что тогда?

МИНИНЪ.

Одинъ пойду.

СЕМЕНОВЪ.

Одинъ не ратникъ въ полѣ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Ты не одинъ пойдешь, и мы пойдемъ.
Посадскіе, торговые помогутъ
Вамъ деньгами, а мы всѣ головами.

ДѢТИ БОЯРСКІЕ.

Мы всѣ идемъ съ тобой, Кузьма Захарьичъ!

ПОСПѢЛОВЪ.

Никто меня здѣсь въ Нижнемъ не удержитъ!
Служилые, воинскіе мы люди,
Мы по приказу шли и умирали,
Велятъ — иди и голову клади;
Теперь безъ зова я иду, охотой!
Ужь умирать, такъ за святое дѣло!

КОЛЗАКОВЪ.

Тебя Господь своимъ сподобилъ чудомъ;

Иди же смѣло въ бой, избранникъ Божій!
И насъ возьми! Авось вернется время,
Когда царямъ мы царства покоряли,
Въ незнаемыя страны заходили,
Край видѣли земли, передъ глазами
Земля морскимъ отокомъ завершалась
И вылъ сердито море окіянъ.
Довольно бражничать! Теперь есть дѣло —
Точить оружіе, въ походъ сбираться!

ВОЕВОДА.

И съ Богомъ! Только жаль, что васъ не много.

МИНИНЪ.

Да развѣ врагъ насъ одолѣлъ числомъ? —
Онъ одолѣлъ насъ Божьимъ попущеньемъ.
Не силой силенъ врагъ, а Божьимъ гнѣвомъ,
Да нашей слабостью, да нашими грѣхами.

АКСЕНОВЪ.

Не войска нужно намъ, а благодати.

МИНИНЪ.

Великъ Господь, Владыко херувимскій!
Прибѣжище и сила наша въ немъ!
Его рука дала врагамъ побѣду,
Его рука притупитъ ихъ мечи.

АКСЕНОВЪ.

Давидъ и малъ, да сильнаго свергаетъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Не много храбрыхъ вывелъ Гедеонъ.

МИНИНЪ.

Самсонъ все войско костью побиваетъ.

АКСЕНОВЪ.

Отъ гласа трубъ валится Ерихонъ.

КОЛЗАКОВЪ.

Съ большой ордой побить врага не диво.

МИНИНЪ.

Во мнозѣ Богъ! И въ малѣ Богъ!

АКСЕНОВЪ.

Аминь!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВОЕВОДА АЛЯБЬЕВЪ. — БИРКИНЪ. — СЕМЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ. КОЛЗАКОВЪ.—МИНИНЪ.—АКСЕНОВЪ.—ТЕМКИНЪ.—ГУБАНИНЪ. — ЛЫТКИНЪ. — НЕФЕДЪ МИНИНЪ. — ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА. — МАРѲА БОРИСОВНА. Всякіе люди Нижняго Новгорода, обоего пола. Слѣпые.

(Площадь въ Кремлѣ недалеко отъ собора. Начинаетъ разсвѣтать).

ЯВЛЕНІЕ I.

Часть народа толпится на паперти у собора, между ними Губанинъ Вбѣгаетъ Лыткинъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ахъ, отцы мои, вотъ страсти-то! (Увидавъ Губанина).
Сёма! Сёма! Родимый ты мой, что за напасть такая?

ГУБАНИНЪ.

Какая напасть?

ЛЫТКИНЪ.

Да какъ же, Сёма! Зачѣмъ въ большой колоколъ-то били? Слышу я, зачали въ колоколъ бить, народъ бросился въ городъ, такъ и обмеръ. Ну, думаю, всполохъ отъ воровскихъ людей.

ГУБАНИНЪ.

Какой всполохъ? Что ты!

ЛЫТКИНЪ.

Такъ зачѣмъ же въ большой-то? Нонѣ праздника нѣту.

ГУБАНИНЪ.

Затѣмъ и въ большой, чтобъ больше народу набралось. Грамоту изъ Сергіева монастыря читать будутъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ишь ты! А вѣдь мнѣ сдуру-то втемяшилось, что всполохъ. Велѣлъ домашнимъ всю рухлядь, что есть, волочь въ городъ на спѣхъ. Тутъ у воротъ подъ горой и складываютъ.

ГУБАНИНЪ.

Кто о душѣ, а ты все о рухляди. Какъ тебѣ не стыдно?

ЛЫТКИНЪ.

Молодъ еще ты учить-то! Я ужь страсти-то видывалъ. Какъ тогда князь Вяземскій подходилъ, натерпѣлись тоже не мало. Оно точно, Богъ сохранилъ, а добра-то что распропало.

ГУБАНИНЪ.

На Москвѣ больше нашего разпропало.

ЛЫТКИНЪ.

Такое опредѣленіе. Значитъ, терпи! Ну, а намъ, пока Богъ милуетъ, свое добро беречь надо. Отошла обѣдня-то?

ВЪ НАРОДѢ.

Грамоту читаютъ.—Грамоту читаютъ.

ГУБАНИНЪ.

Ужь какъ хочется послушать! Кажись, ничего бы не пожалѣлъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ужь и я бы послушалъ. Протѣснимся какъ нибудь. Посторонитесь, почтеные!

(Проходятъ. Народъ мало по малу протѣсняется въ соборъ. У паперти открывается кучка слѣпыхъ, которые были скрыты народомъ).

СЛѢПЫЕ (запѣваютъ).

Живалъ себѣ славенъ на вольномъ свѣту,
Пивалъ, ѣдалъ сладко, носилъ хорошо,
Золотыя одежи богатъ надѣвалъ,
Про милость про Божью богатъ не давалъ,
Про нищую братью богатъ забывалъ,
А былъ у богатаго убогій братецъ:
Восползетъ убогій къ богату на дворъ,
Закричитъ убогій громкимъ голосомъ.

(Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора. Всѣ утираютъ слезы. Слышны голоса: «Подайте слѣпому, убогому! Сотворите святую милостыню!» Мальчики уводятъ слѣпыхъ на паперть).

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРОХОДЯТЪ ДВОЕ.

1-й.

Экой плачъ! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й.

Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно, какъ

Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы, каменные, что ли!

(Проходятъ).

СТАРИКЪ И ЖЕНЩИНА.

СТАРИКЪ.

Гибнетъ, говоритъ, все наше государство! гибнетъ вѣра православная! Легко сказать—гибнетъ вѣра православная! Каково это слово! Скажи ты мнѣ, каково слышать!

ЖЕНЩИНА.

Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ; этакъ, не то что своихъ ближнихъ, и Бога-то забудешь.

(Проходятъ).

ПРОХОДЯТЪ ЧЕТВЕРО.

1-й.

Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й.

А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й

Потому, коли ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наслѣдуешь.

4-й.

Безпремѣнно.

(Проходятъ).

ДВѢ ЖЕНЩИНЫ.

1-я.

Ни въ жизнь столько слезъ не видала! Ни на однихъ похоронахъ того не бываетъ.

2-я.

Ужь и не говори! Такъ рѣкой и разливались. Ангелы-то съ небеси, чай, смотрятъ да радуются.

(Проходятъ. Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуя улицы для выходящихъ изъ собора. Выходятъ: Воевода, Биркинъ и Семеновъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Воевода, Биркинъ, Семеновъ.

ВОЕВОДА (утирая слезы).

Вы видѣли, какъ плакалъ весь народъ,

Вы слышали тяжелыя рыданья!
Какія слезы! Боже! Правъ Кузьма:
Съ такимъ народомъ можно дѣло дѣлать
Великое. Онъ кротокъ, какъ дитя,
Онъ плачетъ. Но, взгляните, эти слезы —
Не хныканье старухъ и стариковъ;
Въ нихъ сила страшная; омывшись ими,
Онъ чистъ и твердъ, какъ камень самоцвѣтный;
Онъ сбросилъ тяжесть помысловъ житейскихъ,
И суеты, и будничныхъ заботъ,
И вышелъ непороченъ: хоть на битву
Веди его, хоть въ монастырь честной,
Хоть на небо.

СЕМЕНОВЪ (со слезами).

Великую ты правду,
Андрей Семенычъ, говоришь. Я старъ,
Заматерѣлъ въ грѣхахъ; а Божье слово,
Въ часъ утренней молитвы, возвышаетъ
Мнѣ душу грѣшную, и рвутся цѣпи,
Къ землѣ гнетущія; хочу подняться,
Какъ утопающій, ищу спасенья;
Цвѣтущій берегъ райскій вижу ясно;
И плыть готовъ и силу обрѣтаю.

ВОЕВОДА.

Страдалъ народъ; теперь конецъ страданью,
Замѣтно по всему. И страшно будетъ
Отмщеніе за пролитую кровь.

БИРКИНЪ.

Потерпитъ и еще.

ВОЕВОДА.

Вотъ ты увидишь,
Что этотъ день начало избавленья
Отъ всѣхъ напастей, обстоящихъ насъ.
Народъ проснулся. Даромъ такъ не плачутъ.
Повѣрь ты мнѣ: заря освобожденья
Здѣсь въ Нижнемъ занялась на всю Россію,
Взойдетъ и солнце.

СЕМЕНОВЪ.

Кабы намъ твоими
Устами медъ пить.

ВОЕВОДА.

Дастъ ли Богъ дожить?
А доживемъ, увидимъ. Эко чудо!
Все изъ ума нейдетъ. Какія слезы!
Всѣ плакали, отъ мала до велика.

(Уходитъ. Входятъ: Аксеновъ, Поспѣловъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и нѣсколько народа).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Биркинъ, Семеновъ, Аксеновъ, Поспѣловъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и народъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Выходишь отъ обѣдни, помолясь
Съ усердіемъ и до сыта поплакавъ,
И такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ;
И подъ ногами ты земли не чуешь,
И ногъ не слышишь; и заря-то ярче
Горитъ на небѣ; точно сладкій медъ,
Пьешь воздухъ утренній. Такое диво!
Какая лёгость для души молитва!
Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ!
А день придетъ — забота за заботой
Навалятся, опять отяжелѣешь.

АКСЕНОВЪ.

Вѣстимо, утромъ человѣкъ помягче,
Пока не заболтался въ суетѣ;
И разумъ крѣпче, да и воля тверже,
И особливо помолясь усердно.
Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарьичъ
Сказать народу, чтобъ не расходился.
Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь,
Да и сердца-то огрубѣть успѣютъ.
Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ
Онъ Ангелу Хранителю Косьмѣ —
Безсребреннику. Вы поговорите
Съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

(Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу, — одинъ въ одну сторону, другой въ другую).

ТЕМКИНЪ.
Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьичъ хочетъ говорить.
ГУБАНИНЪ.
Коли не въ трудъ, повремените малость:
Кузьма Захарьичъ приказалъ просить.
(Мининъ выходитъ изъ собора).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, и Мининъ.

МИНИНЪ (съ лобнаго мѣста)
Друзья и братья! Русь святая гибнетъ!
Друзья и братья! Православной вѣрѣ,
Въ которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоитъ.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взываютъ, молятъ слезно.
Вы слышали ихъ слезное прошенье!
Поможемъ, братья, родинѣ святой!
Что жь! Развѣ въ насъ сердца окаменѣли?
Не всѣ ль мы дѣти матери одной?
Не всѣ ль мы братья отъ одной купели?
ГОЛОСА.
Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ
Помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.
МИНИНЪ.
И аще, братья, похотимъ помочь,
Не пожалѣемъ нашихъ достояній!
Не пощадимъ казны и животовъ!
Мы продадимъ дворы свои и домы!
А́ будетъ мало: женъ, дѣтей заложимъ!
ГОЛОСА.
Заложимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ!
МИНИНЪ.
Что мѣшкать даромъ, время насъ не ждетъ!
Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы:
Изыщемъ, братія, честнаго мужа,
Которому то дѣло за обычай,
Вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править.
Кто воеводой будетъ?

ГОЛОСА.

Князь Димитрій
Михайловичъ Пожарскій! — Князь Пожарскій!
Другаго намъ не надо!

МИНИНЪ.

Воля Божья!
Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ,
Ему и править нами. Гласъ народа —
Гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ
Просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на̀ спѣхъ.
Теперь, друзья, несите, кто что можетъ,
На дѣло земское, на помощь ратнымъ.
Я, Господи благослови начало,
Свои, копленья и трудовыя,
Всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

И мы, и мы всѣ за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Что деньги! Деньги дѣло наживное;
Какъ живы будемъ, наживемъ опять.

МИНИНЪ.

Да изъ собора я послалъ Нефеда,
Чтобъ изъ дому несли, что подороже:
Жены Татьяны поднизи и серьги,
Весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя,
Камку и бархатъ, соболь и лисицу;
Да взяли бъ у святыхъ иконъ взаймы,
На время только, ризы золотыя.
Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

ГОЛОСА.

Все отдадимъ! — Теперь не до нарядовъ!
Въ нарядахъ суета мірская ходитъ!

(Начинаются приношенія).

МИНИНЪ.

Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну!
Ты, дѣдушко, не знаю, какъ назвать-то,
Постой у денегъ! Принимайте вмѣстѣ!

(Аксеновъ и старикъ входятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ).

БИРКИНЪ.

Нѣтъ, въ Нижнемъ принялись за дѣло крѣпко.

Здѣсь дѣлать нечего; а по добру
Да по здорову лучше убираться.

СЕМЕНОВЪ (подходитъ къ Минину).

Обидѣлъ я тебя, Кузьма Захарьичъ,
Прости меня!

МИНИНЪ.

Господь тебя проститъ.

СЕМЕНОВЪ.

Я мнилъ, смущаемъ дьявольскимъ прельщеньемъ,
Что грубый ты и гордый человѣкъ,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества надъ равными тебѣ
И временной корысти. Просвѣщаетъ
Господь мнѣ очи нынѣ. Зрю въ тебѣ
Поборника по вѣрѣ православной,
Ясносіятельной и непорочной,
И кланяюсь тебѣ, прости меня!
Я старъ, душѣ моей приспѣло время
Сводить разсчетъ дѣлъ правыхъ и неправыхъ.
И такъ грѣховъ довольно на душѣ;
Ты отпусти мнѣ этотъ грѣхъ послѣдній,
Все легче будетъ хоть однимъ грѣхомъ.

МИНИНЪ.

Не у меня, у Господа прощенья
Проси! А я обидъ твоихъ не помню.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, и спаси тебя Господь за это!
Не откажите малый вкладъ принять
Отъ многогрѣшнаго раба Василья.

(Отходитъ съ Мининымъ. Народъ болѣе и болѣе тѣснится у лобнаго мѣста. Начинаютъ приносить даже вещи, что и продолжается до конца дѣйствія).

ГУБАНИНЪ (Темкину).

Пойдти домой, принесть свое хоботье!
Оставлю чашку щей да хлѣба на-день,
Съ меня и будетъ.

ТЕМКИНЪ.

Погоди, успѣешь!
Мы первые пошли на это дѣло,
Не спятимся. Что, Лыткинъ замолчалъ?

ГУБАНИНЪ.

Ты знаешь, Лыткина имѣнье близко?

Онъ въ городъ перенесъ, боясь всполоху;
Какъ давеча къ обѣдни зазвонили
Въ большое било, онъ и испугался.

ТЕМКИНЪ.

Ну, ладно жь! Погоди, Василій Лыткинъ! (Лыткину).
Ай Вася! Вотъ хвалю! Такъ, братъ, и надо!

ЛЫТКИНЪ.

А что?

ТЕМКИНЪ.

Да какъ же! Ты свои пожитки
Всѣ приволокъ. Чего нибудь да стоитъ.

ЛЫТКИНЪ.

Да нечто я про васъ?

ТЕМКИНЪ.

А про кого же?

ЛЫТКИНЪ.

Я для сохранности принесъ.

ТЕМКИНЪ.

Ну, полно
Шутить-то съ нами!

ЛЫТКИНЪ.

Да какія шутки!
А вотъ возьму, да и пошлю домой.

ТЕМКИНЪ.

Покойниковъ съ погосту въ домъ не носятъ.

ЛЫТКИНЪ.

Такъ что же вы хотите?

ТЕМКИНЪ.

Вотъ покличемъ
Мы молодцовъ, перетаскаютъ мигомъ.
А изъ мірской казны не отдадутъ.

ГУБАНИНЪ.

Да и просить-то стыдно.

ЛЫТКИНЪ.

Что жь вы, грабить
Меня хотите?

ТЕМКИНЪ.

Какъ же быть съ тобой?
Неволя заставляетъ, самъ доводишь!

ГУБАНИНЪ.

Ты скупостью своей и насъ позоришь!
Паршивая овца все стадо портитъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ужь вы меня пустите!

ТЕМКИНЪ.

Нѣтъ, уйдешь!

ЛЫТКИНЪ.

Не погубите!

ТЕМКИНЪ.

Вотъ что братъ, Василій!

Дай деньгами! Пожитковъ мы не тронемъ.

ГУБАНИНЪ.

Вѣдь деньги всѣ съ тобой. Боясь всполоху,

Всѣ до копейки изъ дому унесъ.

ЛЫТКИНЪ.

А много ль?

ТЕМКИНЪ.

Всѣ отдай!

ГУБАНИНЪ.

Ну, половину!

ЛЫТКИНЪ.

Ой, много!

ТЕМКИНЪ.

А заспоришь, хуже будетъ.

ГУБАНИНЪ.

Ну, третью деньгу дай!

ТЕМКИНЪ.

Съ лихой собаки

Хоть шерсти клокъ.

ГУБАНИНЪ.

Какъ на міру рѣшили!

ТЕМКИНЪ.

Развязывай кошель-то, сосчитаемъ!

(Всѣ трое садятся на землю и считаютъ деньги).

Три доли ровно, видишь. Двѣ тебѣ,

Сбирай въ мошну, завязывай потуже!

А третью часть сыпь въ шапку, да и съ Богомъ!

Пойдемъ всѣ вмѣстѣ, отдадимъ съ поклономъ.

(Подходятъ къ Аксенову).

Примай-ко, Петръ Аксенычъ!

(Лыткинъ подаетъ шапку).

АКСЕНОВЪ (высыпаетъ деньги и возвращаетъ шапку).

Вотъ спасибо!

Не ожидалъ я отъ тебя, Василій.

ЛЫТКИНЪ.

Я на мірскую нужду не жалѣю.

(Отходитъ).

Ужь только знаетъ грудь да подоплёка,
Какъ мнѣ легко. Убраться поскорѣе!

(Уходитъ. Входитъ Колзаковъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Колзаковъ.

КОЛЗАКОВЪ (Минину).

А я что дамъ? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черный день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло все. Теперь людямъ завидно.
Не то завидно, милый человѣкъ,
Что хорошо живутъ, да чисто ходятъ;
А то завидно, что добро несутъ,
А мнѣ вотъ нечего. И одежонка
Вся тутъ. Да! Погоди! Тѣльникъ на шеѣ,
Серебряный, большой. Ну, слава Богу!
Нашлось таки, что Господу отдать.

(Снимаетъ.)

Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни
Пойдетъ на дѣло и моя копейка.

(Входитъ Татьяна Юрьевна и Нефедъ. За ними несутъ сундуки и ларцы.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Татьяна Юрьевна и Нефедъ.

НЕФЕДЪ.

Какъ, батюшко, изволилъ приказать,
Такъ точно мы, по твоему приказу,
И сдѣлали — все принесли сюда.

МИНИНЪ.

Вонъ, видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ!
Кладите въ кучу, послѣ разберутъ.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Вотъ, государь ты мой, Кузьма Захарьичъ,
Ты приказалъ женѣ твоей, Татьянѣ,
Прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья,

И съ камешками перстеньки, и всю
Забаву нашу, бабью. Я не знаю,
На что тебѣ! Я все въ ларецъ поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарьичъ,
Ты слово твердое, такъ что̀ намъ думать.

МИНИНЪ.

Сама Петру Аксенычу отдай!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Все, государь, исполню, что прикажешь.
(Отдаетъ. Входитъ Марѳа Борисовна; за ней несутъ сундуки и ларцы.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Марѳа Борисовна.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Богатое наслѣдство мнѣ осталось
Отъ мужа моего и господина.
Отцы и дѣды прежде накопили,
А онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много
Къ отцовскому наслѣдію прибавилъ,
И умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ
Ему Господь плоды трудовъ увидѣть,
Покрасоваться нажитымъ добромъ.
Благословенья не было отъ Бога
Мнѣ на дѣтей, — однимъ-одна осталась
Хозяйкою несчетнаго добра,
Добра чужаго, — я съ собою мало
Въ домъ принесла. Искала я родныхъ;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я — догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мнѣ стало, что заботу
Такую дорогую Богъ послалъ.
И вотъ, благословясь, я раздавала
По храмамъ Божьимъ на поминъ души,
И нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу,
Убогимъ и слѣпымъ и прокаженнымъ,
Сиротамъ и въ убогіе дома,

Колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ,
Въ обители и въ Кіевъ и въ Ростовъ,
Въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ,
На Бѣло-озеро, и въ Галичъ, и въ Поморье,
И въ Грецію, и на святую Гору,
И не могла раздать. Все прибавлялось, —
То долгъ несутъ, то кортому съ угодій.
И, не внуши вамъ Богъ такого дѣла,
Ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ.
Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте!
На добрыя дѣла, на обиходъ
Еще немного у меня осталось.
Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмете.
А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно —
Однихъ угодій хватитъ на прожитокъ.
(Отходитъ къ сторонѣ.)

ПОСПѢЛОВЪ.

Ты мнѣ теперь еще дороже стала,
Жена моя любезная!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ахъ, что ты!
Я не жена еще!

ПОСПѢЛОВЪ.

Не все ль равно!
Не рано — поздно, будешь же женою.
Да долго ль ждать-то? Скоро постъ начнется;
Сама ты знаешь, свадьбы не вѣнчаютъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Какой ты скорый! Развѣ мало дѣла?
Все не управлюся.

ПОСПѢЛОВЪ.

Вотъ вы какія!
Вамъ только мучить человѣка! Знаю
Я вашъ обычай. Что же за порядокъ!
Тутъ постъ, а тамъ къ Москвѣ пора идти;
Намъ и пожить-то вмѣстѣ не удастся.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ахъ, милый мой, такъ ты къ Москвѣ пойдешь?

ПОСПѢЛОВЪ.

Еще бы не пойти! Само собою.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Ахъ мой сердечный! Экой ты хорошій!
Богъ дастъ, вернешься!
ПОСПѢЛОВЪ.
Какъ же, дожидайся!
Скорѣе голову свою положишь.
МАРѲА БОРИСОВНА.
А голову положишь, нечто худо!
Чтó мученикъ, чтó на войнѣ убитый,
Вѣдь все равно. Куда ты угодишь,
Пойми! Намъ не бывать тамъ, гдѣ ты будешь.
ПОСПѢЛОВЪ.
Да я не прочь и голову сложить,
А все-таки, пока живешь здѣсь въ Нижнемъ,
Жениться бы.
МАРѲА БОРИСОВНА.
Объ дѣлѣ меньше будешь
Женатый думать. Вотъ что, другъ любезный!
Ты знаешь ли: женатый о женѣ,
А холостой о Богѣ.
ПОСПѢЛОВЪ.
Наше дѣло,
А не твое. Про то мы сами знаемъ.
Ты обѣщала, такъ назадъ не пяться!
МАРѲА БОРИСОВНА.
Зачѣмъ мнѣ пятиться! Какая стать!
Ну, чѣмъ ты не женихъ? Собой красавецъ,
И развеселый, и такой удалый!
Другихъ такихъ не сыщешь. Изъ-подъ ручки
На жениховъ такихъ невѣсты смотрятъ.
ПОСПѢЛОВЪ.
Да, только смотрятъ.
МАРѲА БОРИСОВНА.
А тебѣ все мало.
ПОСПѢЛОВЪ.
Все шутки у тебя. Мнѣ не до шутокъ!
Тебѣ забава, — мнѣ кручина злая.
Я, точно подкошеная трава,
Безъ вѣтра-вихоря, безъ солнца вяну.
Ложись да умирай!
МАРѲА БОРИСОВНА.
Дай Богъ пожить!
Повеселиться, да дѣтей понянчить!

Ты не кручинься! Богъ дастъ, будемъ живы,
Еще успѣемъ и намиловаться
И надоѣсть другъ другу.

ПОСПѢЛОВЪ.

Богъ съ тобой!
Хотѣлъ браниться, что не держишь слова, —
Языкъ не слушаетъ. Махнутѣ рукой
Приходится, да ждать себѣ рѣшенья.
Хоть милуй, хоть казни меня — я твой!
И приказать и отказать вольна ты;
Прикажешь — ладно; нѣтъ — такъ Богъ накажетъ.
(Отходитъ.)

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Ты не зайдешь ли къ намъ отсюда, Марѳа
Борисовна, на пирожокъ?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Не знаю,
Какъ и сказать тебѣ! Не обмануть бы!
Вотъ видишь ты: мое желанье было —
Снести казну, избавиться заботы,
Да въ монастырь, на тихое житье,
Пройти отсюда прямо, ужь домой
Не заходить; да послѣ разсудила,
Что надо будетъ Богу послужить
Еще въ міру пока. Сберется войско,
Постои да кормы имъ нужны будутъ;
Домъ у меня большой, народу много
Поставить можно. Надо приглядѣть
Да присмотрѣть самой. Свой глазъ все лучше:
Заглазно — безпокойно.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Ну, еще бы!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Вотъ, разсудивши такъ-то, я отсюда
И думала пробраться въ Воскресенскій,
Себѣ хотѣлось келью присмотрѣть.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Вотъ ужь не думала. Да что ты, Марѳа
Борисовна! Ушамъ своимъ не вѣрю.
Такая ты веселая, все шутишь,
Смѣешься съ нами, парней молодыхъ
Не обѣгаешь....

МАРѲА БОРИСОВНА.

Что же ихъ бояться?
Подумаютъ, горда. Грѣха-то больше!
А пусть болтаютъ да смѣются вдоволь,
Отъ ихнихъ словъ меня вѣдь не убудетъ:
Побалагуримъ да и разойдемся.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Да какъ же это? Алексѣй Михайлычъ
Мнѣ сказывалъ, что онъ тебя засваталъ,
И ты не прочь, и, будто, по рукамъ
Ударили. Онъ ждетъ и не дождется.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Не говори ему, пускай онъ ждетъ.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Обманывать грѣшно!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Да что же дѣлать!
Ты разсуди сама: идти мнѣ замужъ
Ужь не приходится: я обѣщала
Вдовой остаться, Божьей сиротой.
А Алексѣй Михайлычъ ласковъ очень,
Меня онъ любитъ; откажи ему —
Разсердишь. Кротокъ онъ теперь и смиренъ;
Пожалуй, въ гнѣвъ его введешь и въ злобу,
И будетъ только грѣхъ одинъ. Ужь лучше
Хоть обману, да въ мирѣ поживемъ.
Пусть думаетъ, что я его невѣста.
Теперь къ Москвѣ сбираться скоро будетъ,
Дорога дальняя — меня забудетъ.
Не до любви, — тамъ горе ждетъ его,
А я молиться буду за него.

(Уходятъ. Народу все больше прибываетъ на площадь.)

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги!

ДРУГОЙ.

Зипунишко!

(Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами.)

ГОЛОСА.

Вотъ наши деньги изъ кваснаго ряду! —
Изъ рукавичнаго! — Отъ ярославцевъ! —
Костромичи собрали — принимайте!
Стрѣльцы Колзакова Баима сотни.

ПОСПѢЛОВЪ.

Вотъ праздникъ, такъ ужь праздникъ! Ну, веселье!

МИНИНЪ.

И я смотрю; душа во мнѣ ростетъ.
Не явно ли благословенье Божье!
Теперь у насъ и войско, и казна,
И полководецъ. Недалеко время,
Когда, вооружась и окрылатѣвъ,
Какъ непоборные орлы, помчимся
И грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ,
Какъ левъ, зіяетъ, бѣсомъ воружаемъ;
Не страшенъ намъ злохитрый ковъ его!
За насъ молитвы цѣлаго народа,
Дѣтей и женъ и старцевъ многолѣтнихъ,
И пѣнье иноковъ и клиръ церковный,
Елей лампадъ, куреніе кадилъ!
За насъ угодники и чудотворцы,
И легіоны грозныхъ силъ небесныхъ,
Полкъ ангеловъ и Божья благодать!

(Вбѣгаетъ юродивый.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и юродивый.

ГОЛОСА.

Бѣжитъ убогій! — Гриша! — Пропустите!

ЮРОДИВЫЙ (на лобномъ мѣстѣ).

Вотъ денежки! Копеечки! Возьмите!
Ихъ много, много!

(Высыпаетъ деньги.)

ГОЛОСА.

Вотъ онъ собиралъ
Все на дорогу-то! — Выходитъ, правда. —
Ужь эти деньги, братцы, всѣхъ дороже.

ЮРОДИВЫЙ.

Темно! темно! Не вижу ничего!
Гдѣ люди? Гдѣ земля? Все внизъ уходитъ.
Повыше бы подняться! Выше! Выше!

(Его поднимаютъ.)

Я вижу, вижу!...

ГОЛОСА.

Что ты видишь, Гриша?
Всѣмъ сказывай! — Всѣмъ говори, что видишь!

ЮРОДИВЫЙ.

Обители, соборы, много храмовъ,
Стѣна высокая, дворцы, палаты,
Кругомъ стѣны посады протянулись,
Далеко въ поле слободы легли,
Все по горамъ сады, на церквахъ главы
Все золотыя. Вотъ одна всѣхъ выше
На солнышкѣ играетъ голова,
Рѣка, какъ лента, вьется.... Кремль!... Москва!...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МИНИНЪ. — ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА. — НЕФЕДЪ. — АКСЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ — СЕМЕНОВЪ. — ПЛОЩАДНОЙ ПОДЪЯЧІЙ. — ВЫБОРНЫЕ. НАРОДЪ.

(Горница въ домѣ Минина. Налѣво дверь въ другой покой, прямо въ сѣни).

ЯВЛЕНІЕ I.

Татьяна Юрьевна сидитъ у стола, пригорюнясь; Нефедъ стоитъ у притолки. Входитъ Аксеновъ.

АКСЕНОВЪ.

Миръ дому и живущимъ въ немъ! Здорово ль
Вы здѣсь живете?

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Чьи нибудь молитвы
Доходятъ къ Богу; живы и здоровы!

АКСЕНОВЪ (садясь).

Такъ что жь вы пріуныли, осовѣли?

НЕФЕДЪ.

Да батюшко....

АКСЕНОВЪ

Ну, что жь?

НЕФЕДЪ.

Тоскуетъ очень.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

И не глядитъ на свѣтъ, сидитъ горюетъ.

АКСЕНОВЪ.

Что за бѣда такая! Отчего бы?

НЕФЕДЪ.

Кто жь знаетъ!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Нечто скажетъ!

АКСЕНОВЪ.

Вы бъ спросили!

НЕФЕДЪ.

Не смѣемъ.

АКСЕНОВЪ.

Ну, такъ я поговорю.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Поговори-ко, Петръ Аксенычъ, толкомъ!
Авось уймется.

НЕФЕДЪ.

Батюшко идетъ.

(Татьяна Юрьевна и Нефедъ уходятъ въ среднюю дверь; Мининъ выходитъ изъ боковой).

ЯВЛЕНІЕ II.

Аксеновъ и Мининъ.

АКСЕНОВЪ.

Здорово, другъ, Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ.

Здравствуй!

(Садится на лавку и молча смотритъ въ окно).

АКСЕНОВЪ.

Опомнись! Что ты! Какъ тебѣ не грѣхъ!

МИНИНЪ.

Тоска меня загрызла; изсосала
Мнѣ сердце, какъ змѣя.

АКСЕНОВЪ.

О чемъ скорбишь?

Ты мнѣ скажи, на сердцѣ легче будетъ.

МИНИНЪ.

Ты не поможешь. Горько мнѣ до смерти!
Скорбь лютая! Душа захолонула,
Упало сердце ретивое, кровь
По жиламъ холодѣетъ!

АКСЕНОВЪ.

Ты въ умѣ ли?
Не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ!
Какое время, вспомни, грѣховодникъ!
Какое дѣло на плечахъ твоихъ!
Будь твердъ, какъ камень! Суетн горю
И малодушеству не предавайся!
Грѣхомъ унынія грѣшишь предъ Богомъ!
Противна Богу суетная скорбь.

МИНИНЪ.

Нѣтъ суеты во мнѣ. Коришь напрасно.
Земныя страсти надо мной невластны.
Разсыпься домъ и погреби семью,
Возьмись пожаръ и разнеси по вѣтру
Все нажитое, до послѣдней нитки, —
Я буду твердъ; хвалить и славить Бога
Не перестану; проронить слезу
Сочту грѣхомъ. Я нагъ на свѣтѣ родился
И нагъ въ могилу лягу. Страшно молвить!
Аксенычъ, страшно молвить! Наше дѣло,
Великое, святое начинанье,
Какъ сельный цвѣтъ въ сухое лѣто, вянетъ.
Выводимъ стѣну, крышу крыть хотимъ,
А храмина не крытая валится.
Вотъ отчего лицо мое мертвѣетъ
И зимнимъ холодомъ ведетъ по тѣлу
И дыбомъ подбираетъ волоса.
Народъ волна — прихлынетъ и отхлынетъ.
Давно ль тотъ день, когда бѣжалъ толпами
Народъ на площадь, отдавалъ копейки
Послѣднія и мѣдные кресты? —
А что теперь! Хоть плачь, хоть распинайся —
И денежки не вымолишь; забыли,
Что женъ, дѣтей, хотѣли заложить.
Всѣ пріуныли. Только бѣдняки

И веселы; а тѣ, что побогаче,
Какъ туча черная, всѣ почернѣли.
Разстаться жаль съ добромъ. Они не видятъ,
Что дьяволъ ихъ тенетами опуталъ,
И въ бездну тащитъ золотымъ арканомъ.
А много ль мы собрали, Петръ Аксенычъ?
Съ чѣмъ начинать? Подумай, посуди!
А развѣ ты не видишь тайной злобы
Ко мнѣ? Не всѣ, я не хочу грѣшить,
А есть такіе, — разорвать бы рады
Меня на части. Точно о себѣ
Радѣю я, а не о земскомъ дѣлѣ.
Да ты послушай, что еще скажу!
Послали выборныхъ, просить велѣли
На воеводство князя. Князь Дмитрій
Михайловичъ ихъ спроситъ: кто блюсти
И ратнымъ раздавать казну приставленъ?—
Меня не назовутъ, гляди, другого
Кого нибудь. Все прахомъ и пойдетъ!

АКСЕНОВЪ.

Не гордость ли, Кузьма?

МИНИНЪ.

Нѣтъ, Петръ Аксенычъ!
Да развѣ гордость, не жалѣя силы,
И день, и ночь, не покладая рукъ,
Безъ устали, безъ отдыха работать!
Одинъ для всѣхъ слуга я поминутный;
Да и впередъ вамъ послужить хочу.
Вѣдь я не почести прошу, а службы.
Горячее-то время подойдетъ,
Тутъ только поспѣвай, вѣдь съ ногъ собьешься;
И не доѣвши вскочишь изъ обѣда,
И ночи не доспишь, да не придется
И лба себѣ перекрестить порядкомъ.
Вотъ я чего хочу. Пускай другіе
За дѣло примутся, тогда увидишь,
Что заварится! Брань, да перекоры,
Бездѣльные, пустые разговоры;
Казны собрать алтына не съумѣютъ;
А что собрали, разтрясутъ, развѣютъ.

А дѣлу-то поруха! Намъ безчестье!
И передъ Богомъ грѣхъ незамолимый!

АКСЕНОВЪ.

Не дай Богъ слышать, а не то что видѣть
Грѣха такого!

МИНИНЪ.

Чай тебѣ случалось
Видать не разъ, какъ тонетъ человѣкъ;
А, можетъ, самъ тонулъ?

АКСЕНОВЪ.

Всего бывало.

МИНИНЪ.

Перекрестясь, да съ берега крутаго
Ты бросишься, на силу то надѣясь;
Плывешь такъ весело; на полдорогѣ
Вдругъ страшно станетъ, ищешь ты глазами,
Гдѣ ближе берегъ. Смотришь ты впередъ,
Тамъ столько же, какъ съ берега казалась
И вся рѣка; назадъ, — тамъ вдвое шире.
Кричать нѣтъ пользы, берега пустые,
Отвѣта не дадутъ; а кто услышитъ,
Такъ скоро ль добѣжитъ, да сыщетъ лодку!
Вдругъ смертная тоска одолѣваетъ;
Глазами водишь: мать сыра земля
Цвѣтетъ попрежнему, проходитъ стадо
Вдали, чуть видно; пролетѣли чайки
Съ зловѣщимъ крикомъ; облачко нашло
На солнышко, и плёсо зарябилось
И потемнѣлъ тальникъ по берегамъ;
И сотворивъ молитву, тонешь, бѣдный,
Безъ помощи. Вотъ такъ и я тону.
Да не одинъ я, всѣ мы, всѣ мы тонемъ.

(Задумывается).

АКСЕНОВЪ.

Ты былъ у князя?

МИНИНЪ.

Одному тебѣ
Покаюсь, былъ.

АКСЕНОВЪ.

На чемъ же порѣшили?

МИНИНЪ.

Князь добрый человѣкъ. Меня онъ слушалъ

Привѣтливо и долго; обласкалъ
И самъ распрашивалъ про все по ряду:
«Да что? Да какъ? Да правду ль говоришь?
Самъ понимаешь, княжеское дѣло.
«Скажи-ка, говорю, ты мнѣ, князь Дмитрій
«Михайловичъ, кто больше сработаетъ —
«Голодный, али сытый? Подневольный,
«Али за деньги нанятой? Скажи-ка,
«Не оттого ли нашимъ воеводамъ
«И дѣло ратное не удавалось,
«Что только силу ратную считали,
«А про кормы, да про казну забыли?
«Безъ корму, да безъ денегъ, что за ратникъ!
«Ни силы нѣтъ, ни духу! Ты возьми
«Отъ человѣка до скота, — все тоже!
«Вѣдь сытый конь побольше и свезетъ,
«И въ гору вытянетъ; на чахломъ много ль
«Наѣздишь? Самаго тянуть придется».
Да такъ вотъ все ему, какъ на ладони,
И выложилъ. Подумалъ князь, подумалъ,
И говоритъ: «ты правъ, Кузьма Захарьевъ!
«Съ такой аравой въ дальнюю дорогу
«Мнѣ безъ тебя сражаться, что безъ рукъ.
«Давай ужь вмѣстѣ Господу послужимъ!»
Поцаловались. Съ тѣмъ и отпустилъ.

АКСЕНОВЪ.

Такъ ты чего жь боишься, маловѣрный?

МИНИНЪ.

Да развѣ князь не можетъ передумать!
Наскажутъ на меня, а онъ повѣритъ:
Ты знаешь самъ, какъ я богатымъ солонъ!
А ихъ-то и послали съ челобитьемъ.
Душа изъ тѣла рвется, полетѣлъ бы
Однимъ глазкомъ взглянуть, что тамъ творится.

АКСЕНОВЪ.

А вотъ пріѣдетъ Алексѣй Михайлычъ —
Разскажетъ все. Сегодня надо ждать.

(Поспѣловъ входитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Поспѣловъ.

АКСЕНОВЪ.

А онъ и тутъ. Легокъ же на поминѣ.
Здорово ль съѣздили?

ПОСПѢЛОВЪ.

Благополучно.
Дорога гладкая, морозецъ легкій!
По первопутью, ровно какъ по маслу,
Шутя доѣхали. Да и назадъ
Вернулись по добру да по здорову.

МИНИНЪ.

Садись! Въ ногахъ нѣтъ правды! Говори!
Душа не терпитъ, сердце не на мѣстѣ.

АКСЕНОВЪ.

Все сказывай, какъ было, по порядку!

ПОСПѢЛОВЪ.

Вотъ, перво-на-перво, мы духовенство
Пустили въ горницу, а тамъ, честь честью,
Вошли и мы; кто старше, впереди.
Всѣ помолились, низко поклонились.
Князь подошелъ къ благословенью, отдалъ
Намъ всѣмъ поклонъ и началъ говорить,
Что радъ гостямъ, и что желаетъ слышать,
Какую нужду до него имѣютъ.
Тутъ всѣ заговорили. Дьякъ Василій
Большую рѣчь держалъ хитро и складно
И приводилъ слова святыхъ писаній.
Князь слезно плакалъ. Видно, что по сердцу
Ему пришелъ нашъ земскій приговоръ.
«Ступайте въ Нижній, говоритъ, скажите,
«Что я за вѣру пострадать готовъ
«До самой смерти. Только подобаетъ
«Между собою изъ людей посадскихъ
«Вамъ выбрать мужа, чтобы вмѣстѣ быть
«Намъ у великаго такого дѣла,
«Казну сбирать и ратныхъ одѣлять

«И всѣ дѣла намъ дѣлать заедино».
И стали наши князю говорить:
«Не знаемъ мы такого человѣка!»

МИНИНЪ.

Они не знаютъ! Слышишь, Петръ Аксенычъ?
Меня отъ службы земской оттираютъ,
Иду въ холопы къ нимъ — не принимаютъ.

АКСЕНОВЪ.

Постой! Возьми терпѣнье! Дай дослушать!

ПОСПѢЛОВЪ.

А князь имъ говоритъ: «у васъ Кузьма
«Захарьевъ, Сухорукъ, то дѣло знаетъ;
«Онъ человѣкъ бывалый и служилый,
«Ему такое дѣло за обычай!
«Его просите! Буде согласится,
«И я, не мѣшкая, сбираться буду».
Насъ накормили, брагой напоили,
И съ миромъ отпустили. Вотъ и все.

АКСЕНОВЪ.

Гдѣ жь выборные?

ПОСПѢЛОВЪ.

Всѣхъ оповѣщаютъ
На площади. И копится народъ,
И сходится со всѣхъ сторонъ толпами;
Хотятъ всѣмъ міромъ двинуться къ тебѣ
Просить и кланяться, Кузьма Захарьичъ.

МИНИНЪ.

Они придутъ. О Господи, дай силы!
Дай твердости! Окамени мнѣ сердце!
О! загради мой слухъ! Да не смущаюсь
Коварными и льстивыми словами!
Печатью огражденья запечатай
Уста мои! Да не отдамся весь
Въ чужую волю скорыми рѣчами!
Они придутъ! (Рѣшительно) Ну, что жь! Пускай!
Мы примемъ.

АКСЕНОВЪ.

Крѣпись, Кузьма!

МИНИНЪ.

Да будетъ воля Божья!

(Входитъ Нефедъ).

НЕФЕДЪ.

Къ намъ гости, батюшко!

МИНИНЪ.

Встрѣчай съ поклономъ!

Широко распахните ворота!
Всѣ двери отворите и зовите!

ПОСПѢЛОВЪ.

Теперь я лишнее бревно въ избѣ.

(Уходитъ въ боковую дверь. Входятъ: Семеновъ, выборные и народъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИНИНЪ, АКСЕНОВЪ, СЕМЕНОВЪ И ВЫБОРНЫЕ.

СЕМЕНОВЪ.

Кузьма Захарьичъ! вѣдомо тебѣ,
Что мы всѣмъ міромъ посылали къ князю
Димитрію Михайловичу въ Пурехъ
Нижегородцевъ, выборныхъ людей
Изъ всѣхъ чиновъ, съ великимъ челобитьемъ.
Да будетъ вѣдомо тебѣ, что Стольникъ
Князь Дмитрій наше челобитье принялъ,
И приказалъ сказать всему народу
Нижегородскому свое рѣшенье:
Что ради вѣры пострадать готовъ
И собирается къ намъ въ Нижній на спѣхъ.
У сбора же казны и у раздачи
На жалованье ратнымъ людямъ денегъ
Князь приказалъ приставить человѣка
Бывалаго, изъ лучшихъ изъ посадскихъ.
Да будетъ вѣдомо, Кузьма Захарьичъ,
Что мы, поговоривъ между собою,
Съ посадскими и всякими людьми,
Приговорили кланяться тебѣ
И звать къ мірскому дѣлу неотступно.

ОДИНЪ ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.

Ужь не въ первой тебѣ, Кузьма Захарьичъ,
За дѣло земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны.

И въ этомъ разѣ ты насъ не покинь.

(Всѣ кланяются).

ДРУГОЙ ВЫБОРНЫЙ.

Кузьма Захарьичъ! мы къ тебѣ съ поклономъ,
Съ великимъ челобитьемъ прибѣгаемъ.
Ты нашей просьбы не оставь! Всѣмъ міромъ
Тебя мы просимъ: послужи ты намъ!

(Всѣ кланяются).

ГОЛОСА.

Кузьма Захарьичъ, послужи!—Кому же,
Опричь тебя и некому у насъ!—
Всѣ просимъ: послужи, Кузьма Захарьичъ!

(Кланяются.—Татьяна Юрьевна, Нефедъ и Поспѣловъ смотрятъ изъ боковой двери).

МИНИНЪ.

Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо!

(Кланяется).

Есть поумнѣй меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тѣхъ просите!

ГОЛОСА.

Намъ никого не надо.—Не хотимъ
Другаго!—Ты намъ любъ.—Тебя мы просимъ!

МИНИНЪ.

Не бѣгалъ я отъ службы никогда,
Для дѣла земскаго бросалъ заботы
Свои домашнія, семью, торговлю,
Радѣлъ, чтобъ застоять да не обидѣть
Молодшихъ братій....

ГОЛОСА.

Мы тобой довольны,
Кузьма Захарьичъ, ты объ насъ радѣлъ.

МИНИНЪ.

Вотъ и недавно подняли мы дѣло,
И малое начало положили
Великому. Жалѣлъ ли я себя?
И деньги и добро принесъ я первый.
По моему-то, всѣмъ такъ подобаетъ;
А, можетъ, кто жалѣетъ. Какъ тутъ быть!
Какъ тутъ орудовать! Одинъ и душу
Радъ заложить; другому жаль копейку.
Стань принуждать, его обидишь кровно.

И только грѣхъ, да брань, да уреканье!
Послужишь Богу, такъ людей обидишь!
Людямъ служить, такъ Богу согрѣшить!
Кому служить-то: людямъ или правдѣ?

ГОЛОСА.

Ты правдѣ послужи, Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ.

Служилъ бы правдѣ, силы не хватаетъ,
Послѣднюю на службѣ истерялъ.
Работалъ много, наработалъ мало!
Хлопотъ по горло, дѣла на алтынъ!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотѣли волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, такъ въ пору.
Что жь, мнѣ стоять съ ножемъ у горла, что ли?
Что было силы, послужилъ народу.
Ужь не взыщите, утрудился больно.

(Кланяется).

ЗАДНІЕ (переднимъ).

Просите! Кланяйтесь! Что такъ стоите!

ПЕРЕДНІЕ (кланяются).

Кузьма Захарьичъ! пожалѣй ты насъ
Мы безъ тебя — безъ рукъ. Все дѣло прахомъ
Разсыплется.—Не совладать другому,
Напортитъ только. Гдѣ другому сдѣлать!

МИНИНЪ.

И не просите лучше, не могу.

ВЫБОРНЫЙ.

Кузьма Захарьичъ, можетъ, ты серчаешь
На насъ за что? Такъ гнѣва не держи!
Вину и виноватаго повѣдай!
Въ чемъ проступились, въ томъ и повинимся.

МИНИНЪ.

Другому кланяйтесь, я не слуга вамъ!
Послѣднее вамъ слово говорю.

(Садится къ столу и закрываетъ лицо руками).

ГОЛОСА.

Татьяна Юрьевна, ты, Петръ Аксенычъ,
Покланяйтесь да попросите съ нами!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА (съ поклономъ).

Не наше дѣло, батюшки; не смѣемъ.

АКСЕНОВЪ.

Не все жь ему плясать по вашей дудкѣ!
Не въ часъ пришли, такъ лучше воротиться,
Да съизнова придти, да поклониться.

(Всѣ кланяются).

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Прощенья просимъ!

ГОЛОСА.

Съ Богомъ оставаться!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мининъ, Аксеновъ, Поспѣловъ и Нефедъ смотрятъ въ окно, Татьяна Юрьевна у боковой двери.

МИНИНЪ.

Ушли! Ну, слава Богу! легче стало!
Душа моя открыта передъ Богомъ,
Я радъ служить, радъ душу положить!
Я къ дѣлу земскому рожденъ. Я выросъ
На площади, между народныхъ сходокъ.
Я рано плакалъ о народномъ горѣ,
И, не по лѣтамъ, тяжесть земской службы
Я на плечахъ носилъ своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;
И, какъ насѣдка бережетъ цыплятъ,
Такъ я берегъ отъ властныхъ и богатыхъ
Молодшую, обидимую братью.
Теперь зовутъ меня, а я нейду;
И не пойду служить, пока весь Нижній
Въ моихъ рукахъ не будетъ поголовно
Со всѣмъ народомъ и со всѣмъ добромъ.

НЕФЕДЪ.

Вернулись, батюшко.

МИНИНЪ.

Заприте двери!
Заткните окна!

АКСЕНОВЪ.

Что ты! Богъ съ тобой!
Пусти меня, я разскажу имъ толкомъ,
Чтобъ написали земскій приговоръ.

(Идетъ къ двери, дверь разстворяется. Видна толпа).

ГОЛОСА.
Кузьма Захарьичъ, мы опять къ тебѣ.
МИНИНЪ.
Сказалъ, что не пойду, — чего жь хотите!
Я и въ другой разъ то же говорю,
Придете въ третій, въ третій то же будетъ.
(Аксеновъ уходитъ и затворяетъ дверь).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же безъ Аксенова.

ПОСПѢЛОВЪ (у окна).
Идутъ, нейдутъ, едва переступаютъ,
Какъ словно что забыли. Межь собою
Все шепчутъ что-то, плачутъ. Погляди!
Вотъ какъ ты дорогъ имъ, Кузьма Захарьичъ!
МИНИНЪ.
Что жь, плачутъ! Я и самъ заплачу съ ними;
Да дѣлу-то какая польза будетъ!
Довольно слезъ, теперь нужна намъ твердость!
Чѣмъ плакать, написали бъ приговоръ.
А и напишутъ, я сейчасъ же къ князю
Пошлю его. Нефедъ, сѣдлай коней!
И самъ сбирайся наскоро въ дорогу!
Ты, Алексѣй Михайлычъ, съ нимъ поѣдешь.
Везите, пуще глазу берегите,
И прямо къ князю въ руки передайте!
А дома-то держать боюсь, отымутъ,
Назадъ возьмутъ, коль въ чемъ не угодишь.
НЕФЕДЪ.
Я мигомъ, батюшко!
(Уходитъ).
ПОСПѢЛОВЪ.
Да не напрасно ль
Ты опасаешься, Кузьма Захарьичъ?
МИНИНЪ.
Да развѣ ты не видишь, какъ мнѣ горько
Хитрить съ народомъ, кабалить его?
Кабы не Божье дѣло, приговора
Я не просилъ бы. Я въ огонь и въ воду
По волѣ земской брошусь безъ оглядки.

И головой начальнымъ, и слугою
Готовъ служить по первому ихъ слову.
Мириться, ссориться не привыкать-стать,
И поругаемся и помиримся,
Другъ на другѣ обиды не считаемъ.
Брань не страшна, на вороту не виснетъ.
То наше дѣло, дѣло поправное.
А это дѣло Божье, за оплошку
За каждую отвѣтишь передъ Богомъ.
Привелъ Господь начать благое дѣло
И надо честно совершить его.
Я не свое хотѣнье исполняю,
А волю, заповѣданную свыше.
Мнѣ больше далъ Господь и больше спроситъ.
(Входятъ: Аксеновъ, подъячій, выборные, народъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Аксеновъ, Подъячій, и выборные.

ОДИНЪ ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.
Вели писать, а мы впередъ согласны
На всякій твой приказъ, Кузьма Захарьичъ.

МИНИНЪ (подъячему).
Садись, пиши! (Подъячій садится). Всѣхъ помяни въ началѣ!
Дворянъ, дѣтей боярскихъ и головъ,
Всѣхъ по порядку напиши, какъ знаешь.
(Помолчавъ).
Пиши, что выбрали меня всѣмъ міромъ
У сбора денегъ ратнымъ людямъ быти.
(Помолчавъ).
Пиши! И быти намъ Кузьмѣ послушнымъ
И не противиться ему ни въ чемъ!
На жалованье ратнымъ людямъ деньги
Имать у насъ у всѣхъ безпрекословно!
А не достанетъ денегъ, животы;
А животовъ не станетъ, женъ съ дѣтями
Имать у насъ и отдавать въ закладъ.
(Помолчавъ)
Готово?

ПОДЪЯЧІЙ.

Написалъ.

МИНИНЪ (народу)

Ну, ладно ль будетъ?

ГОЛОСА.

Пусть будетъ такъ! Прикладывайте руки!

(Прикладываютъ руки).

МИНИНЪ.

Не премину радѣть о земскомъ дѣлѣ,
А за любовь за вашу бью челомъ.

(Кланяется).

Теперь у Господа молить я буду,
Чтобъ даровалъ мнѣ силу мышцъ и мудрость
Змѣиную и кротость голубину.

(Нефедъ входитъ).

ОДИНЪ ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.

Готово. Принимай, Кузьма Захарьичъ!

(Подаетъ приговоръ).

МИНИНЪ (передаетъ Нефеду и Поспѣлову; они уходятъ).

О Господи! Благодарю тебя!

(Падаетъ на колѣни).

АКСЕНОВЪ.

Давно стоитъ земля, а не бывало
Такого дѣла на святой Руси.
И небывалую ты служишь службу.
Прими жь такое званіе отъ насъ,
Какого дѣды наши не слыхали
И внуки не услышатъ, и зовись
Ты выборнымъ всей Русскою Землею!

ГОЛОСА.

Ты выборный отъ всей земли великой!

ЭПИЛОГЪ.

(ВЫХОДЪ ОПОЛЧЕНІЯ ИЗЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА).

(1612 Г., МАРТЪ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІЙ, — воевода. — МИНИНЪ, выборный отъ всей земли русской. — АКСЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ.—МАРѲА БОРИСОВНА.—ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.—ЛАПША.—ЮРОДИВОЙ. — Весь народъ нижегородскій и многихъ другихъ городовъ. — Войско.

Часть Нижняго посада та же, что въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Посадскіе; впереди Аксеновъ, за нимъ двое держатъ хлѣбъ-соль. Подлѣ нихъ Лапша. Толпы народа. Нѣкоторые проходятъ въ Кремль и изъ Кремля.

ГОЛОСА.

Напутственный молебенъ поютъ.—Отпѣли, ратныхъ людей благословляютъ да кропятъ. — Ишь ты наши нижпепосадскіе хотятъ съ хлѣбомъ-солью проводить.—Ужь это какъ и водится. На нижнемъ посадѣ все и дѣло-то началось, съ Гостиннаго двора пошло. Здѣсь кашу-то заварили, а гляди, что вышло.

АКСЕНОВЪ (Лапшѣ).

Честь честью, мы проводимъ съ хлѣбомъ съ солью
И добраго пути имъ пожелаемъ.

ЛАПША.

Я слышалъ, что по нашей сторонѣ,
Нагорнымъ берегомъ пойдутъ по Волгѣ,

На Болохну, на Юрьевецъ, на Решму.

АКСЕНОВЪ.

Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братецъ, будетъ посмотрѣть!
Какъ есть, — рѣка польется. Ваши села
И города, что мелкіе ручьи,
Воды прикопятъ, — взбухнетъ, пополнѣетъ,
И вдругъ широкимъ половодьемъ хлынетъ
На супостатовъ вѣры православной,
Снесетъ и смоетъ ихъ съ лица земли.

ЛАПША.

Я съ Решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а все помога.
Хлопотъ-то вамъ куда чай много было
Собрать такую силу?

АКСЕНОВЪ.

Ну, нельзя же!
Вотъ перво-на-перво пришли Смольяне,
Потомъ изъ Доргобужа да изъ Вязьмы.
Бродили бѣдные; вездѣ ихъ гнали;
Какъ домы-то у нихъ пораззорили,
И въ Арополчь и въ Арзамасъ садились;
Вотъ къ намъ пришли и съ нами заедино
Хотятъ идти отмстить за кровь свою.
Потомъ Коломенцы пришли, Рязанцы,
За ними ополченье изъ Украйны,
Казаки и стрѣльцы, что при Васильѣ
Въ Москвѣ сидѣли. И своихъ довольно.
Охотой шли, никакъ ни остановишь!
И чудо, братъ, откуда что бралось!
Такъ и плыветъ, такъ и плыветъ богатство;
Со всѣхъ сторонъ казна, лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратнымъ
Самъ раздавалъ. И, Божьей благодатью,
Такъ и спорилось все въ его рукахъ.
Другіе нищіе пришли, босые,
Безъ одежонки; посмотри теперь!
Разбогатѣли, раскормились живо,
Всѣ молодцами смотрятъ,—заглядѣнье!
Повѣришь ли, коня сегодня купитъ;

Дня черезъ три его и не узнаешь;
Хозяинъ не узнаетъ, хоть божись;
Такъ раздобрѣетъ. Смотримъ да дивимся.
Ужь истинно, что Богъ избралъ Кузьму!
Уменъ и счастливъ, да при всемъ при этомъ
Благословенье Божье помогаетъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Никакъ коней ведутъ воеводамъ.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Здѣсь не сядутъ, пѣши пойдутъ.

(Изъ воротъ выходитъ Мароа Борисовна, за ней бѣжитъ Поспѣловъ. Останавливаются поодаль отъ народа, у лавки Лыткина).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Мароа Борисовна, Поспѣловъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Москву увидишь, Алексѣй Михайлычъ,
И отъ меня ей земно поклонись!
Дай Богъ счастливо! Отправляйся съ Богомъ!
Объ насъ не забывай!

ПОСПѢЛОВЪ.

О чемъ же помнить!
Мнѣ больше не о комъ, какъ о тебѣ!
Припомню все, какъ я тебя увидѣлъ,
Какъ полюбилъ, — спозналъ тоску-злодѣйку!
Какъ за тобой по улицамъ широкимъ,
По мелкимъ переулочкамъ ходилъ,
Чтобъ только въ очи заглянуть украдкой!
Припомню, какъ сидѣли, говорили!
Какъ въ липовомъ покойчикѣ твоемъ
Свѣтло и чисто, какъ въ раю небесномъ.
Припомню, какъ сулила, обѣщала
Любить меня и быть моей женой,
Какъ только время даромъ протянула,
Какъ провела меня— и обманула!
Припомню все! Суди тебя Господь!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Вернешься ты, и вся твоя невзгода

Пройдетъ, какъ сонъ. И не о чемъ жалѣть!
Настанетъ время тишины и мира
И мы съ тобой любовно заживемъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Какъ знать, что будетъ! Лучше и не думать!
Прощай! Увидимся ль на этомъ свѣтѣ?
А не придется, свидимся на томъ.

(Цалуются).

МАРѲА БОРИСОВНА.

Прощай, мой милый! Зла на мнѣ не помни!
Я, не женою, матерью родной
Хотѣла бъ проводить тебя въ дорогу
Святымъ напутствіемъ, благословеньемъ.
Поди ко мнѣ, тебя я поцалую
Въ послѣдній разъ. Храни тебя Господь!

(Цалуются. Поспѣловъ убѣгаетъ. Подходитъ Татьяна Юрьевна).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Татьяна Юрьевна.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Кузьма Захарьичъ только до Оки,
До переправы, воеводъ проводитъ,
Потомъ домой зайдетъ, проститься съ нами.
У насъ и столъ накрытъ. Зайди и ты!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ужь я простилась. Только бы взглянуть
Теперь на Божьихъ воиновъ. Изъ дома
Сегодня вышла я въ послѣдній разъ.
Вотъ постою съ народомъ и глазами
Своими посмотрю, какъ избавленье
Пойдетъ на Русь святую; прошепчу
Молитву, да и въ келью, прочь отъ міра.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Я стану заходить къ тебѣ. Безъ мужа
Вѣдь скучно будетъ, стану навѣщать.

(Уходитъ).

ГОЛОСА.

Идутъ. — Воеводы идутъ!

(Выходятъ: князь Пожарскій, Мининъ и за ними войско)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Пожарскій и Мининъ.

АКСЕНОВЪ.

Нижегородцы Нижняго посада
Тебя, нашъ воевода, князь Димитрій
Михайловичъ, и съ выборнымъ съ Кузьмою
Захарьичемъ, въ дорогу съ хлѣбомъ съ солью
Желаемъ проводить.

(Подаетъ хлѣбъ-соль).

ПОЖАРСКІЙ.

Спасибо вамъ!

АКСЕНОВЪ.

Челомъ вамъ бьемъ, не брезгайте, примите!

(Пожарскій принимаетъ хлѣбъ-соль и передаетъ Минину. Мининъ передаетъ войску).

ПОЖАРСКІЙ.

Нижегородцы! Мы за васъ идемъ
Съ врагами биться, жизни не жалѣя;
А вы всещедраго молите Бога,
Чтобы Московское намъ государство
Въ соединеньи видѣть, какъ и прежде,
Какъ при великихъ государяхъ было;
Кровопролитье бъ въ людяхъ перестало;
А видѣть бы покой и тишину,
Какъ и доселѣ было въ государствѣ.

МИНИНЪ.

Друзья нижегородцы! Ваше войско
Пошло къ Москвѣ! Его вы снарядили
И проводили. Буде Богъ пошлетъ,
И нашимъ подвигомъ мы Русь избавимъ, —
Великую отъ Бога примемъ милость
За избавленье христіанскихъ душъ;
И во вся роды, въ будущіе вѣки,
Къ навѣчной похвалѣ намъ учинится,
На славу намъ и на поминъ душъ нашихъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Пойдемъ-те съ Богомъ! (Войско трогается).

НАРОДЪ.

Прощайте, Божьи воины! — Помоги вамъ Господь! — Вы за насъ страдальцы; а мы за васъ богомольцы!

(Выбѣгаетъ юродивый вооруженный).

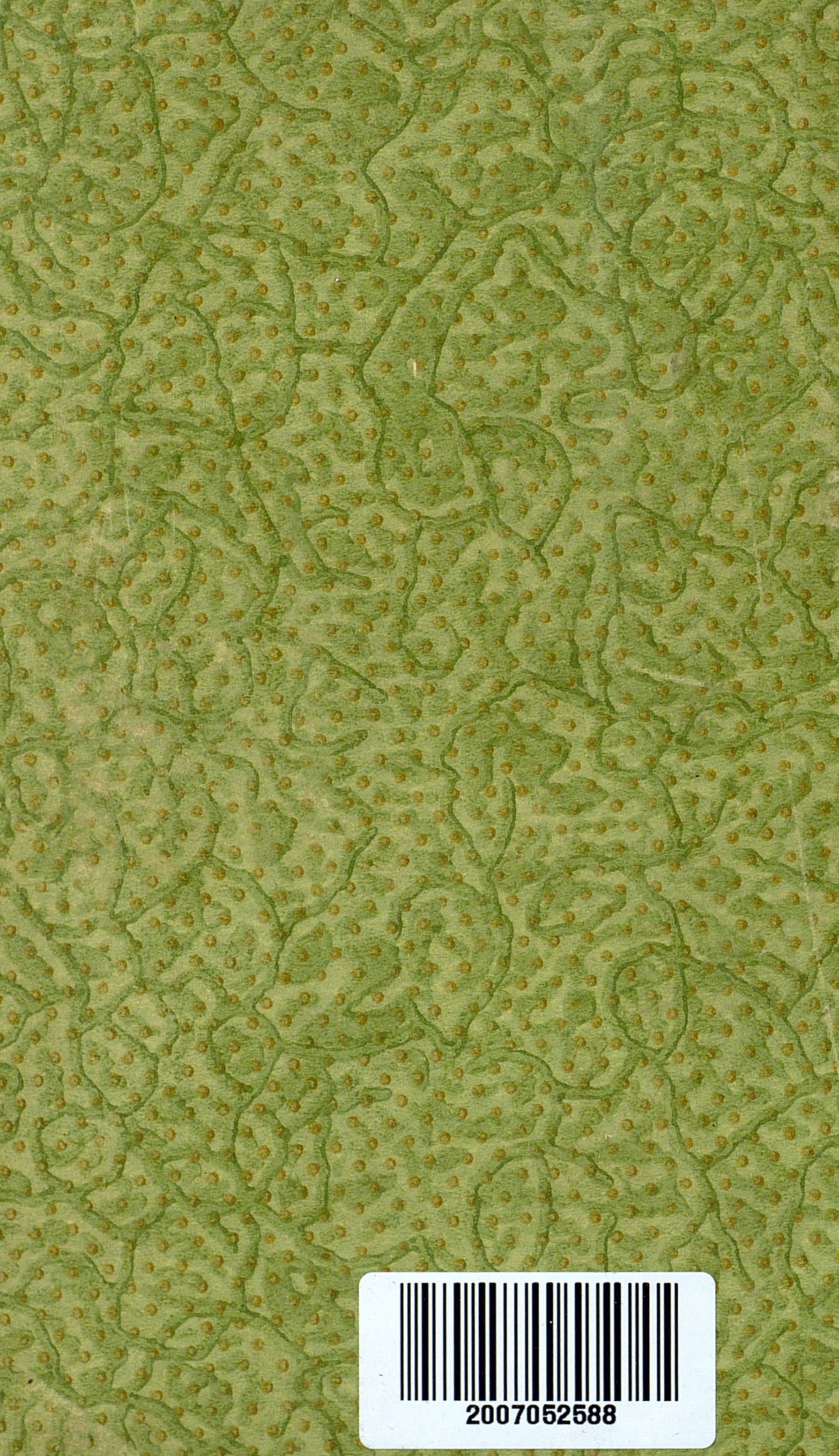
ЮРОДИВЫЙ (кланяясь на всѣ стороны).

Прощайте! Прощайте!

(Трубы, колокольный звонъ, войско, отрядъ за отрядомъ, изъ Кремля проходитъ черезъ сцену).

А. ОСТРОВСКІЙ.

Москва, 9 декабря 1861 г.

2007052588